

13-50324
2-8/1942-516

КОСТЁР

5-6

107
84

25/11

В русской армии всегда было много храбрецов, чудо-богатырей, как называл их Суворов. Их дела и заслуги подолгу жили в народной памяти.

Но среди русских находились такие храбрецы, мужеству и отваге которых удивлялись даже враги. Таким героем был Леонтий Коренной, гренадер Гвардейского Финляндского полка.

В гренадерские полки подбирали рослых храбрых молодцов. Но Леонтий Коренной и среди этих отборных солдат выделялся и своим ростом и своей храбростью.

Про него даже песню сложили:

„Вот чудо-богатырь был малый!
Лихой фланговый гренадер,
Всегда, везде в боях удалый
Геройской храбрости пример“.

Георгиевский крест украшал грудь статного гренадера. Коренной получил его за Бородинскую битву: не мало французов полегло от его метких пуль. Но не участие в Бородинском сражении прославил Коренного. После разгрома полчищ Наполеона в России наша армия двинулась в Европу освобождать народы от ига завоевателя.

17 октября 1813 года, во второй день ожесточенной битвы под Лейпцигом, русская армия возглавляла борьбу народов Европы за свободу.

Финляндский Гвардейский полк дрался тогда в селении Госса. Наполеон бросал в бой все новые и новые подкрепления. Батальон русских был окружен с трех сторон. Здесь оказался и Леонтий Коренной. С горсточкой храбрецов он отбивался от врагов.

Но с каждой минутой вокруг Коренного оставалось все меньше товарищей, раненые и убитые они валялись на груды неприятельских трупов. И вскоре он остался один; со всех сторон его окружали враги-солдаты. Французы уже предлагали Коренному сдаться в плен. Но не таков был гренадер Коренной. Он наносил удары направо и налево, то штыком, то прикладом...

Меткие удары валили французов. Но врагов было слишком много, а Коренной был один. Храбреца окружили. Со всех сторон на него сыпались удары неприятельских штыков. Он пал... В полку оплакали Коренного, погибшего смертью храбрых.

Но каково было удивление гренадеров, когда „дядя Коренной“, как его называли, вернулся в полк. Но вернулся он весь израненый: с восемнадцатью ранами, восемнадцатью кровавыми отметками его геройской неравной борьбы.

Отвага и сила Коренного поразили его врагов — французов. Они подняли его, унесли с поля битвы и перевязали его раны. Рассказы о необычайной храбрости русского гренадера дошли до самого Наполеона. Он захотел увидеть пленного героя.

Свидание состоялось. Наполеон приказал отпустить храбреца из плена и отдал приказ по армии, где геройство русского гренадера было поставлено в пример французским солдатам. Долго после этого в полку солдаты распевали песню:

„Сам Бонапарт его прославил,
Приказ по армии послал,
В пример всем русского поставил,
Чтоб Коренного всякий знал“.

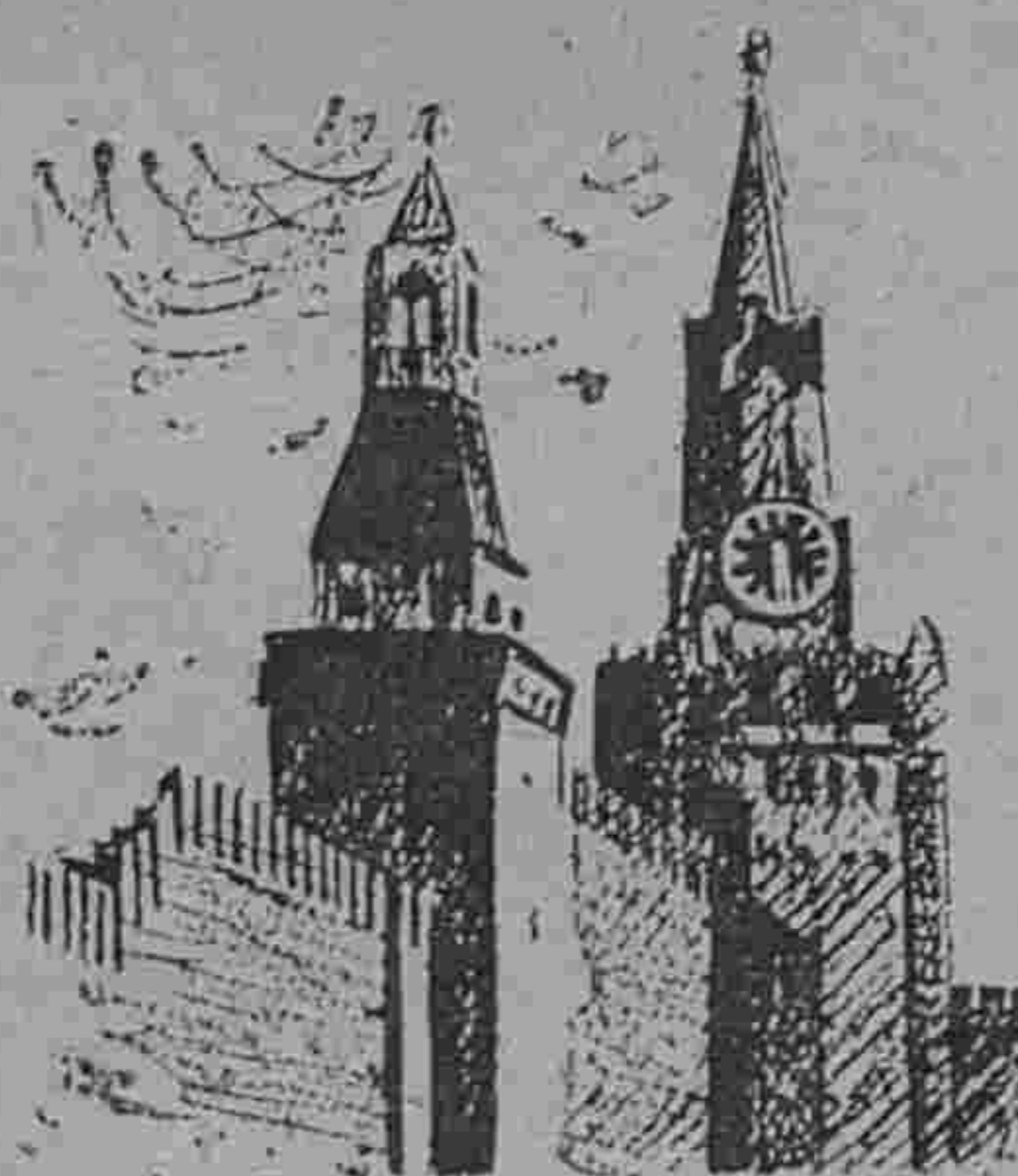
П 29
41

КОСТЁР

5-6

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ★ ЦЕ ВЛКСМ ★ 1942 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

За родину!

А. ГОЛЬДБЕРГ

За флаг над башнями Кремля,
За россыпи зерна,
За все, чем русская земля
Богата и полна.

За город мой, за Ленинград,
За ночи над Невой,
За все, чем сотни лет подряд
Гордился край родной.

За то, чтоб слезы осушить
У сирот и у вдов,
За муки братьев отомстить:
Фашистским псам хребет сломить,
Я кровь свою готов пролить,
Я в бой идти готов!

СТРАХ

О. КУЗНЕЦОВА

рис. К. Рудакова

Целую неделю прожил Сережа вместе с партизанами, а ему все еще не поручали ни одного дела.

— Молодо — зелено! — только и слышал он в ответ на все свои просьбы и увещания.

Как будто возраст определяется только числом прожитых лет! Не так это, честное пионерское, не так! Сережа сам вычитал в книге, не помнит только в какой, что время исчисляется не месяцами, не годами, но тем, что успел человек увидеть за эти месяцы и годы.

Получалось, что его тринадцать лет ничего не стоят. Ну, что он видел? Видел, как цветут яблони, как золотится рожь, как пенится молоко в подойниках; видел, как машет крыльями новая молотилка, как рождается электрический свет на выстроенной колхозниками запруде. Еще видел, как мать полощет на речке его белье, как улыбается ему по утрам.

Вот и все, что он видел и не замечал и не знал даже, до чего крепко любит эту вечно занятую женщину, эту трудолюбивую речку, эти кудрявые сады. А когда узнал, тогда уже не было ни матери, ни яблонь, — только обмелевшая река, перегороженная обломками исковерканной турбины.

Четыре дня бродил Сережа по лесу. Четыре ночи спал, как звереныш, на голой земле, а потом партизаны подобрали его.

И вот целую неделю он живет вместе с ними.

— Молодо — зелено! — твердит командир отряда. — Заплачешь — порох подмокнет.

— Я и тогда не плакал! — вспыхивает мальчик. — И не заплачу.

— И не струсил?

— Не струшу. Я и раньше-то одной только темноты боялся, а с тех пор и к темноте страх пропал.

Сережа говорил правду. Товарищи всегда считали его смельчаком. А что до темноты, то эту свою слабость мальчик тщательно скрывал ото всех. Но это было очень давно — одиннадцать дней прошло с тех пор.

— И хорошо. Теперь учишься ждать.

— Чего ждать-то?

— Чего? А того, что военное ремесло многого от человека требует. Ты вот, говоришь, темноты не боюсь. А по мне — бойся. Хоть блохи бойся, да только умей свой страх победить. И оружие знать надо, маскировку... Сказано — подожди, ну и жди.

Сережа выслушал его, красный от волнения. В первый раз произнес командир такую длинную речь. Он, вообще, был скуп на слова; недаром и фамилия-то у него была особенная: Заика, Федор Иванович Заика.

Но говорил Федор Иванович, если уж говорил, внятно, чуть нараспев, и голос

у него был такой густой, что, кажется, понатужься он немного, так сможет перекричать хоть целый батальон. Только мальчик никогда не слышал, чтобы командир кричал на кого-нибудь. Зачем? Его и так все слушались. Послушался и Сережа. Больше не приставал с просьбами, а чтобы легче было ждать, серьезно взялся за военную учебу. Он еще полгода назад „заработал“ на соревнованиях ворошиловского стрелка, а теперь научился бросать гранату и ползать по-пластунски.

Две недели длился Сережин искуc. И вот его взяли в разведку.

Туман таял, расплываясь на длинные горизонтальные ленты. Верхушки впереди стоящих деревьев будто оторвались от корней, повисли в воздухе и опять вросли в землю. Четыре человека шли по чуть заметной заваленной буреломом тропинке — трое взрослых и один мальчик. У взрослых на поясе висели гранаты, у мальчика — нож. У всех — винтовки.

У расколотого грозой дуба отряд разделился: двое пошли направо, двое налево. Сережа пошел с Зайкой. Было очень тихо. Даже птицы молчали, даже ветер, даже привычная воркотня орудий там позади.

— Никогда не верь тишине, — точно угадал сережину думу Зайка, — это обман.

Он проговорил это совсем беззвучно, одними губами. И все-таки в ответ на его слова раздался оглушительный треск пулеметов. Он катился с поросшего сосняком пригорка, совсем недалекого, и поражал своей дружной слаженностью. Восемь, десять, двенадцать автоматов, трудно сказать, сколько их было, стреляли все вместе, враз. Будто многоголовое чудовище одновременно шелкало всеми своими языками.

— Ну, сдавай экзамен, — успел пошутить Зайка, бросаясь ничком на землю и увлекая за собой Сережу. — От меня — не дальше, как на десять шагов. Помни: разведать огневую точку противника.

— Есть, разведать огневую точку противника, — пожалуй, громче, чем следовало ответил мальчик и... исчез.

Да, он исчез. Федор Иванович сам не верил своим глазам. Невозможно было разглядеть шуплую, верткую фигурку мальчика, вдруг слившуюся с землей. Сережа полз, быстрый и ловкий, как уж, бесшумно продираясь сквозь цепкий и ломкий кустарник. В глазах у него рябило от перемежающихся пятен света и тени, больно саднили исколотые, обожженные крапивой ладони, а он все полз, попрежнему быстро и ловко. И попрежнему яростно лаяли впереди фашистские пулеметы.

Сережа и сам не помнил, как добрался до поросшего сосной пригорка. Он пришел в себя только тогда, когда медные, будто кровью окрашенные, стволы оказались совсем близко, только тогда спохватился, что послушался приказа — потерял из виду своего командира.

По лесу все еще катилась смертная дробь пулеметов, а в колючей заросли перемешанной с крапивой малины сидел перепуганный мальчик. Мысль о том, что Федор Иванович отругает его, может быть, выгонит из отряда — была много страшнее, чем злобное таяканье близких пулеметов.

Горячее солнце билось сквозь пестрые узорчатые листья. Они тихо покачивались.

Сережа привстал, высунул из кустов белобрысую голову в измятой кепке и огляделся. Кусты подходили к самому основанию горюшки, так что нельзя было увидеть, что делается там наверху.

Низкорослый, уже не мигавший седой вереск едва прикрывал тыльную сторону ладоней да обтрепанные носки сапог. Как плотно ни прижимался Сережа к земле, сверху его, конечно, не трудно было заметить. Однако, сознание опасности только подзадоривало разведчика.

Он без страха подвигался навстречу все более близким неумолкающим выстрелам и благополучно добрался до крайней сосны.

Высоко в небе ее венчала пышная темно-зеленая маковка, а между основанием и вершиной — ни одной ветки, ни единого побега, ни даже сучка. Голый, залитый светом ствол поднимался из залитого светом ковра опавшей хвои.

Сережа задумался. Как, не выдав себя, увидеть противника, пересчитать его неукротимые пулеметы, узнать, наконец, сколько их — восемь, десять, двенадцать?

Вытянувшись во весь рост, поставив рядом винтовку, он плотно сел к высокому, пахнущему смолой дереву. Оно такое толстое, а он сам такой худенький. Конечно, его не увидят.

По ту сторону ствола, того самого, который служил ему прикрытием, он увидел человека. Человек сидел перед пулеметом, а рядом стоял ящик с лентами. Нет, два ящика и один пулемет. Только один!

Должно быть, остальные восемь — десять — двенадцать стоят за другими деревьями. Странно, что Сережа не видит их. Деревья растут так редко.

Обрывки мыслей, слов, выводов мелькают в голове у Сережи. В ушах звенит от многоголосого хора одинаково близких выстрелов, а глаза прикованы к широкой спине фашиста.

Немец на минуту отпускает собачку пулемета, откидывается к стволу, и снова подается вперед. Сережа протягивает руку к винтовке. Солнечный зайчик играет на ярко начищенном затворе. Если Сережа выстрелит, зайчик погаснет. Если Сережа выстрелит... он выдаст себя. А выдав себя, он, может быть, выдаст еще троих. Ведь он не знает, где они сейчас. Сережа так и не решается взять винтовку. Но уйти он не может. Он слышит, как мать кричит из пламени пожара: „Убей!“. Сережа снова тянется к винтовке и вдруг вспоминает про нож.

Он очень острый этот нож. Он очень легко прокалывает плотную ткань. Около дырки она сразу становится черной. Черное пятно расплзается все шире и шире. Человек, сидящий за деревом, отрывает руки от пулемета и прикладывает их к груди. Пулемет умолкает. Умолкают и остальные — восемь, десять, двенадцать...

Видно, Сережа все-таки выдал себя, хотя он уверен, что действовал бесшумно и быстро. Уж ясно — немцы перестраивают огонь. Пускай! Он ничуть не боится, — он убил!

Вдруг новый звук разорвал неожиданную, короткую, как сон, тишину. Полный муки он был слишком громким, чтобы называться стоном, а в вопле не бывает столько безысходной тоски. Вздох? Если кузнечными мехами раздуть грудь великана, из нее не исторгнуть подобного вздоха. Удушливый страх охватил его. И он побежал.

Сережа бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь и падая. Страх гнал его прочь от этих чудовищных сосен, где прислонившись к толстому, будто кровью окрашенному стволу, стоит одинокая, забытая винтовка.

Вдруг чья-то рука, жесткая и тяжелая опустилась на его плечо. Мальчик закричал, и крик его прокатился по лесу, точно это кричала целая ватага мальчиков, со странно одинаковыми голосами. И в эту минуту страх разжал свои когти. Сережа увидел перед собой Заика, и понял, что это его, Заики, рука легла ему на плечо.

— Ну?! — услышал он приглушенный знакомый голос. — Ну?!

В этом „ну“ было столько тихой насмешки, что мальчик окончательно пришел в себя, как будто вылили на него ушат холодной воды. Но по лесу все еще катился „вопл“, затухая в смертельной муке, пока опять не пришла тишина.

— Ну?! — в третий раз произнес Заика и вдруг тихо засмеялся.

Долго смеялся Заика и его большое, ладное тело сотрясалось от хохота, а Сережа смотрел на него, ничего не понимая.

— Так ты, говоришь, темноты и то не боишься, — заговорил, задыхаясь, Заика, — а громкоговорителя, значит, испугался?

„Громкоговорителя?“ — окончательно растерялся Сережа и вдруг понял все. Красная краска залила ему лицо, потом уши, затылок, шею, даже поползла по спине. „Громкоговорителя!..“ — с тоской думает мальчик и, что всего хуже, чувствует как горький комок подкатывается к горлу.

— Я ж говорил, порох подмочишь! — шутит Заика и гладит мягкий ежик светлых волос.

„Как маленького“, — страдает Сережа, а слезы уже ручьем катятся по вздернутому носу, по исцарапанному подбородку, по пестрым веснушкам.

Две рослые фигуры с винтовками за спиной вырастают на умолкшем пригорке. Сейчас они спустятся сюда и станут свидетелями сережиного позора. Он хочет убежать, но командир не пускает его.

— Не говорите им ничего, — шепчет Сережа, но Федор Иванович не слышит.

Он говорит:

— Три недели тому назад в отряд пришел вот этот мальчик и мы оставили его у себя. А теперь я зачисляю мальчика бойцом моего отряда. Возражений нет?

— Нет, — дружно ответили двадцать взрослых мужских голосов и три взрослых мужских руки пожали сережину руку.

— Как же это так, — забормотал мальчик, — как же это в отряд, когда я... вы же знаете — я и приказа послушался и винтовку бросил и... голову потерял!

— За то, что винтовку бросил — лишний раз в карауле прстоишь, что приказа послушался — котел за это вычистишь, а вот с головой, как быть? — авось новая вырастет! — пошутил Заика. — Ведь если, по совести тебе сказать, так только хвостун ничего не боится. На то враг и рассчитывает. Многому еще нам с тобой поучиться надо. Ну, а до тех пор — сколько немцев встретим, столько и убьем. Не давай только сердцу своему остыть. Во сне и то помни — кровь за кровь, мука за муку. Вытравим гадов с советской земли.

— Ни одного не оставим! — подхватил Сережа. — Ненавистью своей клянусь — ни одного!

Мальчики

Н. ТИХОНОВ

рис. К. Рудакова

Сияет майский Ленинград,
Народных волн кипенье,
Глядит мальчишка на парад,
Весь красный от волненья.

Как лес, пред ним штыки растут,
Блестят клинки нагие,
Какие танки мчатся тут!
Броневики какие!

И шепчет малый, как во сне,
Пленен зеленой сталью:
— Вот если б мне, вот если б мне
Такую б пушку дали . . .

Мальчишка рос, мальчишка креп,
Носил уж галстук бантом,
Глядишь, уж ест солдатский хлеб —
Стал мальчик лейтенантом.

И пушку дали, целый склад
Снарядов чернобоких,
И вышел мальчик на парад,
Смертельный и жестокий.

Там, где залива плещет вал,
На солнечной опушке,
Там, где ребенком он играл,
Свои поставил пушки.

За ним был город дорогой,
За ним был город милый,
А перед ним — леса дугой,
Набиты вражьей силой.

И через голову идут
Куда-то вдаль снаряды,
Не в даль враги куда-то бьют,
А бьют по Ленинграду.

Он представлял себе — до слез,
Так ясно, это пламя,
Что рвется там и вкривь и вкось
Над мирными домами.

Над домом, где родился он,
Над школой, где учился,
Над парком, где в снегу газон,
Где в первый раз влюбился . . .

Кричал он пересохшим ртом
— Огоны! — кричал, зверея,
Стегал он огненным кнутом
По вражьей батарее.

И стиснув зубы, разъярен,
Сквозь всех разрывов вспышки
Всегда мальчишку видел он, —
Шел улицей мальчишка.

Совсем такой, каким был сам,
Весенний, длинноногий,
Неравнодушный к воробьям,
Такой — один из многих.

И сам он был, как воробей,
Как те, немного тощий,
Шептал себе он: „не робей,
Храбрись, — так будет прощел!“

Лишь вражий залп отбушевал,
И дым унесся пьяный,
Уж он осколки подбирал
Горячие в карманы.

Такого мальчика не тронь!
От ярости бледнея,
Вновь лейтенант кричал: „огонь!
Бей беглым по злодеям!“

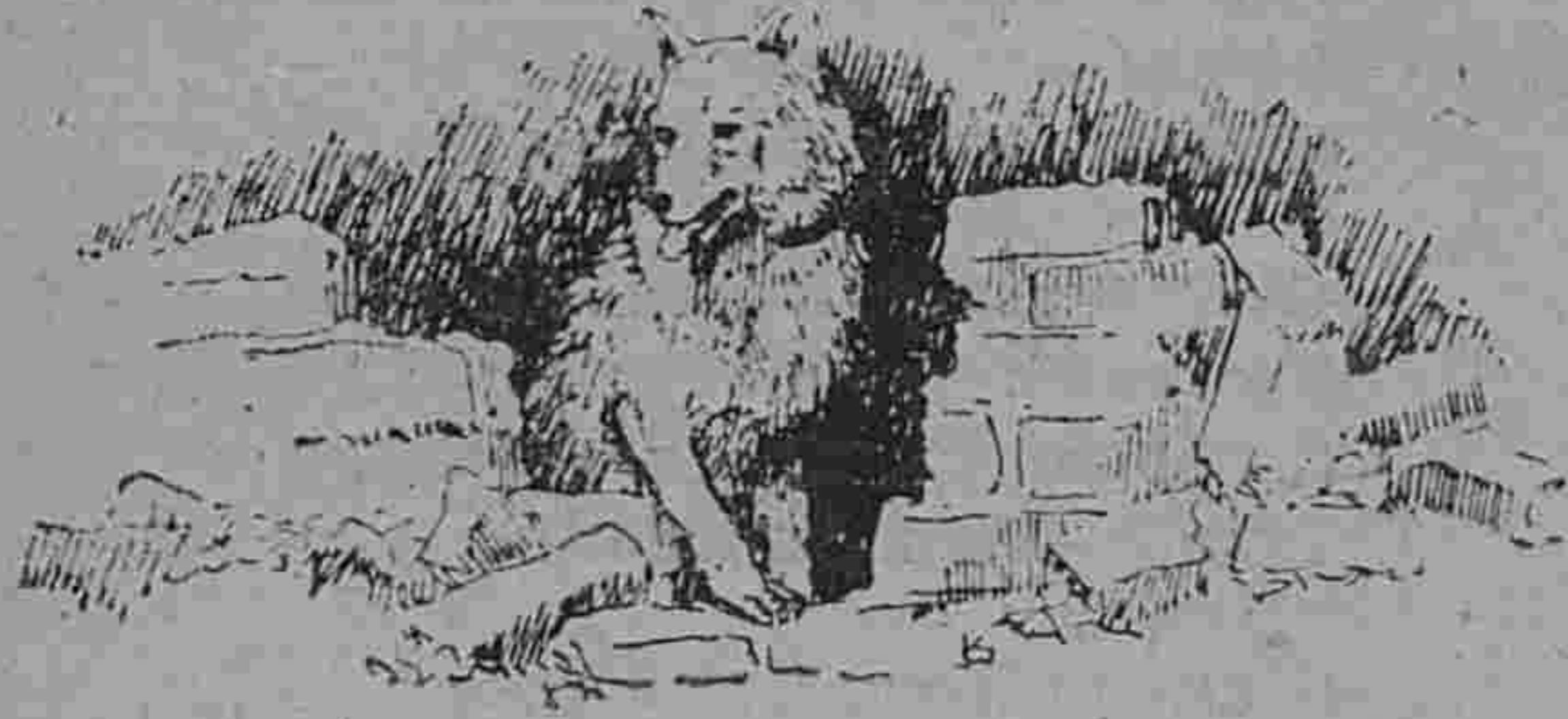
И наступила тишина,
Над зимней рощей рея . . .
— К молчанию приведена
Фашистов батарея!

— Приведена, ну — хорошо, —
То дело нам знакомо,
Так, значит, мальчик мой дошел,
Поди, сидит уж дома . . .

И сам, на мальчика похож,
Лукавый, легкий, тощий,
Чуть усмехнувшись, лейтенант
Пошел вечерней рощей!

Ф Р А М

А. РОЗЕН

рис. Н. Петровой

Фрам — был сибирская лайка. Он был очень красивым и еще совсем молодым.

Вряд ли Фрам понимал, как хорошо прожил он полтора года у Стрельниковых. Ничего другого в своей жизни не испытал, Фрам был уверен, что такова жизнь: человеческая ласка и забота, вкусная еда, мирный сон на подстилке, веселые прогулки. Фрам вырос, грудь его окрепла, он стал умной и доброй собакой.

Размеренную и счастливую жизнь Фрама нарушила война. Не то, чтобы он почувствовал какие-либо тяготы и лишения, но нервное настроение в семье он почувствовал.

Вскоре началась жизнь, совсем не похожая на прежнюю. Еще летом Фрам часто слышал противный и долгий вой, но люди не беспокоились и Фрам быстро привык к сирене. Но осенью, стоило людям услышать тот же самый вой, как они немедленно покидали квартиру.

Фрам часами лежал на холодном полу в подвале. Иногда его будили ночью и вели в неудобный подвал. Фрам ощущал странные и внезапные толчки.

Все это было тревожно. Толчки сопровождались грохотом и треском — Фрам вздрагивал, старался не отходить от хозяйки.

Дальше жизнь пошла совсем отвратительная. Фрама стали скверно кормить. Он никогда не был попрошайкой, вел себя спокойно, когда семья обедала. Но поневоле приходилось скулить, когда тарелка пуста.

Фрам скулил, но никто не сердился на него. Ему сочувствовали, — он это замечал, его жалели.

Потом Фраму запретили выбегать на улицу. Он слышал разговоры о том, что собаку уведут, погубят. Он много дремал, утомленный однообразием жизни.

Все же он мечтал о том, чтобы выйти на улицу и хоть немного погулять. Он несколько раз подходил к двери, но дверь была закрыта.

Но однажды, когда к Стрельниковым зашла по делу соседка, Фрам выскочил на лестницу и через минуту был на улице.

На улице было великолепно. Сияющий морозный день — дух захватывало от белизны земли, от голубизны неба. Фрам, радуясь всепроникающему яркому свету, быстро пробежал до угла. Но он не успел завернуть за угол. То, что он увидел, заставило его остановиться.

Фрам увидел необыкновенно высокого мужчину. Мужчина был очень худ и это, вероятно, делало его еще более высоким. У него были длинные беспокойные руки. Но больше всего поразило Фрама лицо мужчины, или, вернее сказать, огромная рыжая борода, вместо лица. Не было видно глаз.

Огромная рыжая борода смотрела на лайку. Фрам сначала остановился в нерешительности. Рыжая борода и беспокойные руки приближались к нему. Фрам лег на брюхо и неподвижно смотрел на незнакомца. Мужчина заслонил собой солнце и его рыжая борода потемнела. Впервые Фрам узнал, что значит страх.

Фрам вскочил и бросился бежать. Он бежал, сам не зная куда, остановился в конце улицы, посмотрел назад. Высокенький мужчина стоял как раз у входа в дом Фрама.

Пес пробежал переулок, потом свернул в новый. Сердце его колотилось, было жарко от бега. Он боялся новых встреч с людьми и залез в разбомбленный дом. Здесь он отдышался.

Фрам не представлял еще себе, как он будет жить, однако он понял твердо — возврата к прежней жизни быть не может. Он запомнил страшную фигуру возле своего дома.

Если бы было мирное время, если бы не было лютого года, Фрам наверное стал бы бродячей собакой. Он болтался бы по дворам, выискивая еду, по рынкам, его видели бы у мясных лавок. Конечно, кто-нибудь узнал бы Фрама по приметам, которые несомненно были бы указаны в объявлении о пропаже собаки.

Фраму нечего было делать в сумрачных ленинградских дворах. Рынки были закрыты, а мясные лавки хранили только разноцветные муляжи. Собака была обречена на гибель.

Но Фрам этого не понимал. Ему хотелось есть, но понять, что он никогда не получит еды, он не мог.

Ему снилась еда и это еще больше убеждало Фрама, что еда существует и значит он получит ее. Ему снилось тепло: печурка, дрова трещат, это от них бывает тепло. И это значит, что он найдет его.

Днем он скрывался. Когда темнело, выходил из разбомбленного дома, уверенный, что он получит еду и сможет согреться.

На третий день бесплодных попыток насытиться и согреться, Фрам с наступлением темноты вылез из груды кирпичей и нос к носу столкнулся с человеком.

Оба были поражены. Человек меньше всего ожидал увидеть собаку. Фрам заворчал и ощерился. Разбомбленный дом был его местожительством, здесь нечего было делать посторонним. Не Фрам, а человек должен был уйти отсюда и Фрам зарычал сильнее.

— Чего же ты сердишься? — спросил человек.

Как давно Фрам не слышал близко человеческого голоса... Фрам свирепо рычал, когда человек подошел к нему и сказал:

— Кожа, да кости... Бедный ты мой пес. А рычишь...

Фрам перестал рычать.

Человек подошел к Фраму совсем близко.

— Что ж мне с тобой делать? — спросил человек.

Фрам, не понимая, что говорит человек, услышал в его голосе заинтересованность судьбой собаки. Возможно, что человек неожиданно бросит ему кусочек мяса или даст хлеба.

Но этого человек не сделал. Он только повторил.

— Что же мне с тобой делать? — подумав, он пожал плечами и сказал, — ну, пойдем со мной. Фьють!..

Они шли рядом, ни о чем оба не думая.

Фрам осторожно вошел в дом человека. Забившись в угол, он наблюдал, как человек открывает вьюшки, кладет дрова в печурку, чиркает спички. Человек подозвал Фрама к печурке, взял его за ошейник и прочел вслух надпись, вырезанную на ошейнике: „Фрам“.

— Фрам, — сказал человек, — не возражаю.

Затем человек улыбнулся и сказал:

— Моя фамилия Алешин. Есть еще имя и отчество Андрей Федорович. Так что ли? Фрам лег у печки. Все это напоминало приятные сны. Напоминало и Стрельниковых.

— Не знаю, что мне с тобой делать, — опять сказал новый хозяин.

С этими словами он вынул из кармана кусок хлеба и бросил половину Фраму. Пес поймал кусок и, визжа, съел хлеб. Съев, он почувствовал, что изнывает от голода.

Новый хозяин согрел на печурке суп. Затем быстро начал есть, и не доев, отдал суп собаке. Фрам снова, повизгивая, вылакал суп. Ему попрежнему хотелось есть.

— Но больше у меня ничего нет, — сказал Алешин.

Андрей Федорович подождал, пока потухла печурка, закрыл вьюшки и лег в постель.

Фрам не спал, но он был доволен, что человек спит и что он может слушать его дыхание, а изредка невнятное бормотание.

Надолго ли эта новая жизнь? Этого Фрам не знал. Да и не все ли равно? Слушая дыхание спящего хозяина и его невнятное бормотание, Фрам не сомневался, — он полюбил Андрея Федоровича. Любовь эта была тем более светлой и радостной, что он ничего от нее не ждал.

Он любил Стрельниковых. Но там все были обязаны угождать этому чувству. Несмотря на то, что Андрей Федорович поделился с ним хлебом и супом, Фрам не чувствовал себя ему обязанным.

Они проснулись вместе. Андрей Федорович удивленно посмотрел на Фрама.

Понял ли человек по глазам собаки, что она не обидится, не затаит зла, если он выгонит ее сейчас? Но Андрей Федорович вероятно думал о другом.

— Сиди здесь, — сказал Андрей Федорович. — Мне далеко идти. Завод — да... ух далеко... Трамвая — нет.

Он запер дверь и ушел. Фрам остался один. Куда ушел Андрей Федорович, он не понял. Придет ли он когда-нибудь? Во всех случаях Фрам будет его ждать.

Андрей Федорович пришел часов в восемь вечера. Он принес с собой мешок, в нем были кости. Он дал их Фраму. Смотря на то, как Фрам возится с ними, Алешин удивлялся: трижды вываренные кости — неужели они способны доставить такое громадное удовольствие?

Фрам грыз их пока топилась печурка. Все-таки Андрей Федорович поделился с собакой и хлебом и супом. На следующий день он встал рано и сразу же начал мастерить какие-то непонятные Фраму вещи. При этом он тихонько напевал.

В полдень он вывел Фрама на улицу и стал приспособлять непонятные собаке вещи. Андрей Федорович вынес из дома большие сани, велел Фраму встать впереди них. Не прошло и часу, как Фрам был впряжен в сани.

— Так, — сказал Андрей Федорович и сел в сани. — Поехали!

Фрам не понимал, что хочет новый хозяин. Тогда Алешин вылез из саней, взял Фрама за ошейник и пошел вместе с ним вперед. За Андрей Федоровичем и Фрамом двинулись сани.

Фрам сделал шаг вперед, шаг вперед сделали сани, с сидящим на них Андреем Фе-

доровичем. Еще шаг вперед, быстрее, быстрее, быстрее! Какие-то мальчишки смеялись, глядя на собаку, которая везла сани.

Они проехали квартал. Андрей Федорович был в веселом настроении. Он щелкал кнутом, кричал: „Но-о!“ Затем стал учить Фрама поворачивать влево и вправо.

Вечер прошел отлично. Фрам грыз кости, Алешин мастерил что-то.

В понедельник утром Андрей Федорович вытащил сани на улицу, позвал Фрама и молча впряг его. Было серое туманное утро. Веяло холодом от домов, коченевших по ночам. Фрам, помня уроки, бежал, понукаемый Андреем Федоровичем.

Послушно заворачивая то влево, то вправо, он бежал долго и стал уставать. Но он не понимал, что Алешин удобно сидит в санях. Он думал, что и Алешину придется нелегко и старался не отставать от своего хозяина.

Фрам очень устал и был доволен, когда Андрей Федорович остановил его. Они находились у больших чугунных ворот. Несколько человек, видимо, поджидали Алешина. Они, весело смеясь, гладили Фрама, говорили без умолку. Затем Фрам прошел в открытые для него ворота.

Еду он получил немедленно. Это были очень вкусные, не более чем один раз вываренные кости. Их принес какой-то незнакомый человек и сказал:

— Я тебя на паек посажу. А вы теперь, Андрей Федорович, не так будете уставать.

Ежедневно Фрам отвозил Алешина на завод и привозил обратно домой. Пока шла работа Фрама выпрягали из саней и он лежал возле станка, которым управлял Андрей Федорович.

Но Андрей Федорович не только управлял станком, он ходил по цеху, вмешиваясь в работу других людей и станков. Фрам прекрасно видел, что его хозяин пользуется всеобщим уважением.

И к Фраму относились хорошо, хвалили его. Каждый раз, когда собака обедала, люди не могли скрыть улыбок.

— Паек, — говорили они, улыбаясь.

Все-таки Фрам очень уставал, но хозяин его уставал еще больше.

Однажды утром Фрам встал, несколько раз подошел к постели хозяина. Мордой дотрагивался он до спящего. Хозяин проснулся, ничего не поев, сказал:

— Едем, едем... работа не ждет.

Фрам отлично понимал, что хозяин пересиливает себя. Ему следовало остаться дома, затопить печурку и полежать, но он все же велел Фраму везти его на завод.

В цеху Фрам ходил за хозяином, беспокоясь за него. Предчувствие несчастья томил собаку. И верно: вечером Фрам не увез Андрея Федоровича домой. Алешин заболел.

Лицо хозяина покрылось красными пятнами. Его знобило. Сделав какие-то замечания рабочим, он пошатнулся, его поддержали, а затем отвели в комнату начальника цеха. Фрам не отходил от него.

За ночь хозяин очень изменился — лицо стало совсем маленьким. Иногда он приоткрывал правый глаз. Глаз был чужой, тусклый.

Несколько рабочих впрягли Фрама в сани. Они вынесли носилки, поставили их на сани и осторожно положили на носилки Андрея Федоровича. Фрам двинул сани. Он не бежал, как всегда. Он шел медленно. И чем дальше вез больного хозяина, тем больше погружался в темноту. Он тянул сани, наклонив морду, почти касаясь мордой снега. Только через два часа скорбное шествие достигло больницы. Хозяина унесли.

На обратном пути мастер Рогачев, товарищ Алешина, шел рядом с Фрамом. Дошли до цеха. Рогачев выпряг собаку, и Фрам остался на заводе. Неспеша заходили в цеха бойцы заводской охраны. Невдалеке торопливо била артиллерия. Лунный свет печатал на снегу причудливые тени заводских корпусов.

Фрам думал об Андрее Федоровиче. Пес был не в силах совладать с собою и завыл.

Еще не рассвело, когда Фрам выбрался с завода. Он бежал по улице, по вчерашнему пути к больнице. Бег немного успокоил его. Он

нашел больницу. Дежурная пыталась его задержать. Он показал свирепые клыки. Он бежал по коридорам больницы, ища хозяина, задыхаясь от бега. Только бы найти, только бы что-нибудь не помешало.

Во втором этаже он нашел палату, в которой лежал Алешин. Фрам сходу бросился к его койке, и встав на задние лапы, еще не отдышавшись, лизнул его в лицо. Только теперь он заметил, что у постели больного сидит Рогачев.

— Фрам! — сказал Рогачев. — Смотри, Андрей Федорович, — Фрам. Смотри, какая умная собака, — нашла.

— Фрам, — тихо сказал Алешин.

Пес лег на пол, положил морду на лапы и застыл. Что угодно, но с этого места он не сойдет.

Еще с полчаса Рогачев ухаживал за приятелем, а потом сказал:

— Мне пора, а то на завод опоздаю. Я к тебе еще приду.

— Фрам, — также тихо сказал Андрей Федорович, — ты возьми Фрама. Езди на работу.

Фрам не понимал человеческой речи, но только хозяин упомянул его имя, как он поднялся.

Фрам взглянул на хозяина. Хозяин опустил руку, погладил собаку. Повинуясь, Фрам вышел с Рогачевым на улицу. Они быстро пошли к заводу.

Начиная с этого дня, Фрам возил мастера Рогачева на завод, а после работы отвозил его домой.

Но самым хорошим для него было, когда Рогачев говорил:

— Поедем, Фрам, к твоему хозяину.

Фрам лизал хозяину руки, и так втроем они просиживали с полчаса или с час.

— Умная собака, — говорил Рогачев с благодарностью.

Только за эти дни Фрам почувствовал, что его любят люди. Он им нужен. Они благодарны ему. И Фрам полюбил людей, а этого достаточно, чтобы быть счастливой собакой.

Наступил день, когда Рогачев приехал на Фраме в больницу и, оставив собаку у подъ-

езда, вошел в здание. Вскоре он вышел, ведя под руку Алешина.

— Никак не на завод, — говорил Рогачев, — а прямехонько домой. Там посидишь, газетки считаешь, а потом — милости просим.

Так. Фрам мотнул мордой. Хозяин здоров. Он посмотрел на Алешина.

— Что, Фрам? — спросил хозяин. — По старой калужской дороге? — Он сел в сани и натянул возжи.

Фрам вез мастеров. Они проехали много улиц. И наконец, на Васильевском острове Фрам почувствовал себя очень усталым. Сибирские лайки выносливы. Но ведь Фрам ежедневно возил сани с человеком в два огромных конца.

У Тучкова моста Фрам почувствовал, что слабеет. Сейчас он остановится, мотнет мордой и, умильно взглянув на хозяина, даст ему понять, что не в силах тащить сани.

Но Фрам не остановился. Конечно, хозяин сойдет с саней, выпряжет Фрама, а Рогачев скажет: „Бедная собака.“

Фрам не остановился. Он сделал рывок вперед, одолел Тучков мост, шикарно выехал на Петроградскую сторону и тут он вдруг услышал высокий знакомый голос:

— Фрам, Фрам! Да это же наш Фрам.

Поспевая за санями, бежала его бывшая хозяйка.

Может быть Рогачев и Алешин не слышали этих быстрых возгласов. Но Фрам отлично слышал хозяйку.

— Остановиться? Сейчас подбежит хозяйка, обнимет его, затем, волнуясь, докажет Алешину, что это ее собака.

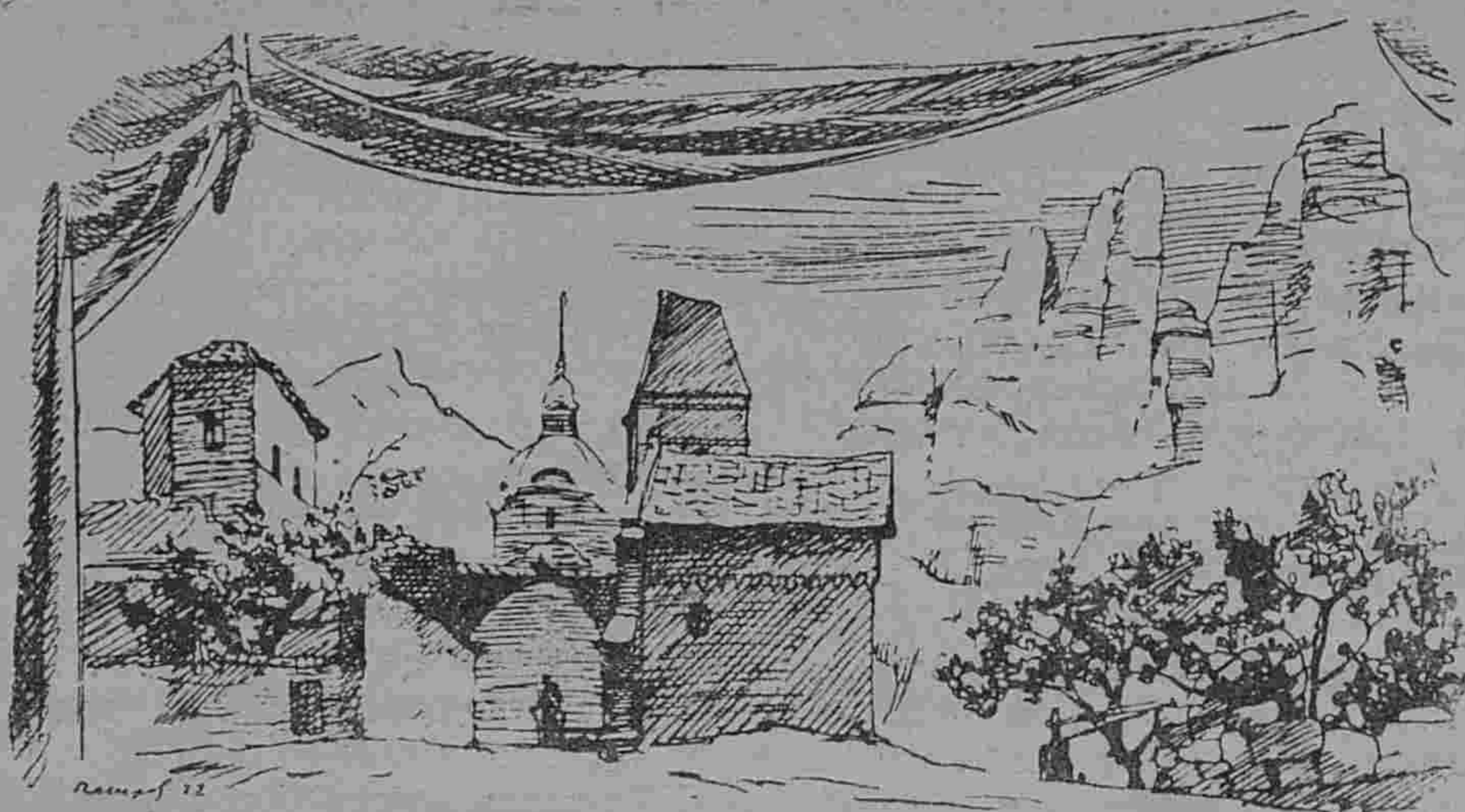
Да нет, — он вовсе не ее собака. Он вовсе не принадлежит ей. Он взрослая, самостоятельная собака.

Фрам бежал быстро. Хозяйка отставала. Он все еще слышал:

— Фрам! Фрам! Наш Фрам...

Он не остановился. Он привез хозяина домой. А здесь Фрама ждали присланные из заводской столовой кости. Ни разу не вываренные, великолепные бараньи кости.

Большой Бланек

К. МЕРКУЛЬЕВА и Е. ТАРВИД

рис. Г ПЕТРОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петрек — чешский мальчик, 15 лет.
Власта — подруга Петрека, 12 лет.
Владек — польский мальчик, 10 л.
Свен — норвежский мальчик, 16 л.
Хмарек.

Мастер Фогель.
Стражник Карл
Надзиратель
Ефрейтор
Жандарм

ПЕРВАЯ СЦЕНА

КАРТИНА I

Действие происходит во Влашине, (маленьком чешском городке).

(Петрек, сидя на дереве, насвистывает песенку. Входит Хмарек).

Хмарек. — Эй, кто там на дереве?

Петрек. — Птица.

Хмарек. — Что еще за птица?

Петрек. — Чешский воробей, если угодно знать вашей милости.

Хмарек. — А если чешского воробья да засадят в немецкую клетку?

Петрек. — Вот еще! Разве я сижу не на своем дереве, а оно растет не на родной земле? Эту яблоню, ваша милость, посадил собственными руками мой дед — чех Ярослав Данек. И мой отец ухаживал за ней. Кстати... яблоки кажется уже созрели.

Хмарек. — Это, стало быть, твой сад?

Петрек. — Это был наш сад. Но когда немцы явились „спасать“ Чехию от чехов,

сад этот приглянулся господину Шмидту пришлось подарить ему всю усадьбу.

Хмарек. — Стало быть, этот Шмидт тебя дочиста ограбил?

Петрек. — О, нет! Он только отнял у меня сад и дом, загнал отца на войну, а мать в могилу.

Хмарек. — Уж очень весело говоришь ты о своих несчастьях.

Петрек. — Может заплакать, чтобы герр Шмидт смеялся? Нет, мы — чехи! Вы, наверное, помните историю Чехии? Сколько поколений отстаивало родную землю от немцев. Поглядите ка вон туда... да нет! правее букового леса... Вы видите, что там синее?

Хмарек. — Кажется, это гора Большой Бланек!

Петрек. — Ну конечно Теперь вы понимаете, почему я так люблю сидеть на этой яблоне? Ведь отсюда виден Большой Бланек!

Хмарек. — Ну и что из этого?

Петрек. — Как что? Ведь там спят уже много веков рыцари Святовацлавского войска! Вы помните, что говорит предание: наступит время, когда великое горе постигнет Чехию. Полчища лютых врагов вторгнутся в нашу землю. Весь народ поднимется на борьбу. И разгорится жаркий бой. В тот час засохнут деревья на вершине Бланека, а самый старый, черный, мертвый дуб зазеленеет, и ключ из скалы забьет так сильно, что превратится в яростный поток. И с грохотом раздвинутся горы, и Святовацлавское войско ринется на помощь чехам. Враги будут разбиты и объятые ужасом побегут из Чехии. А наш народ станет вольным навеки!

Хмарек. — Ты, я вижу, хорошо запомнил это предание!

Петрек. — А как же мне его не помнить?! Я — чех! Я и мои товарищи... Мы встречаемся там, на горе, у Бланека, возле засохшего дуба, на берегу ручья.

Хмарек. — Что же это у вас? Какой-нибудь кружок? Литературный? Или политический?

Петрек. — Назовите, как хотите. Мы читаем чешские легенды, вспоминаем историю своего народа, поем родные песни. В немецких школах ведь нам это запрещают!

Хмарек. — Ты и твои товарищи — настоящие патриоты! Но первому встречному таких вещей, все же, не говорят!

Петрек. — Какой же вы первый встречный? Кто же здесь не знает скрипача Хмарека... А раз вы чех — вы не можете быть предателем.

Хмарек. — Ну, если ты уж знаешь, кто я, давай, познакомимся как следует. Твое имя, мальчик?

Петрек. — Меня зовут Петрек.

Хмарек. — Настоящее чешское имя!

Петрек. — А по случаю нашего знакомства позвольте угостить вас яблоками!

(Петрек трясет яблоню).

Хмарек. — Эй, довольно! Хватит!

Петрек. — Не стесняйтесь, господин Хмарек, кушайте! Кушайте!

Хмарек. — Довольно, говорю я! Так и человека убить можно!

Петрек. — Да уж это такие здоровенные яблоки, ваша милость. Таким яблоком можно проломить любой череп, даже череп немецкого солдата. Недаром эти яблоки вырастил чешский чернозем. Что же вы не кушаете? Ешьте, угощайтесь, господин Хмарек! Все же я здесь хозяин!.. И немцу меньше достанется!

Хмарек. — Ну, спасибо, хозяин, за угощение.

Петрек. — Сыграйте старинную чешскую песенку.

(Хмарек играет на скрипке, Петрек подпевает).

КАРТИНА 2

Вечером у подножия Большого Бланека возле старого дуба Петрек поджидает своих товарищей.

(Вбегают Власта).

Власта. — Петрек? Это ты?

Петрек. — А, Власта! А где остальные?

Власта. — Ой, устала! Я страшно торопилась.

Петрек (насмешливо). — И потому опоздала на полтора часа? Я уже уходить собрался.

Власта. — Петрек, Петрек, ты еще не знаешь, что у нас случилось!

Петрек. — Ну что? Что такое?

Власта. — Шнейдер оскорбил Яна Жижку...

Петрек. — Нашего героя! Подлая немчура!

Власта. — А еще учитель!.. Ну, мы, чехи, бросили урок, встали и ушли.

Петрек. — Еще бы!

Власта. — А нам объявили: „вы больше не учитесь!“

Петрек. — И меня там не было!

Власта. — Зато мы пошумели! Знаешь, Петрек, ты сюда никого и не жди! Сегодня уж никто не придет!

Петрек. — Идем туда! К ним, к ребятам!

Власта. — Теперь? Ночью?

Петрек. — Поздно? Ну, подождем утра. Ты устала, Власта, садись отдохни.

Власта. — Нет, Петрек, если бы ты только знал...

Петрек. — Опять вскочила!

Власта. — Ну когда же они, наконец, проснутся?!

Петрек. — Кто?

Власта. — Эти рыцари, что спят здесь под землей...

Петрек. — Ах, бланницкие рыцари!

Власта. — Ну да! Когда прогонят они этих немцев?

(Слышится отдаленный шум).

Петрек. — Постой, Власта! Слышишь, кто-то едет?

Власта. — Правда, Петрек, едут. Кто бы это мог быть?

Петрек. — Это, наверно, они, твои рыцари. Покричи им, а то еще не найдут.

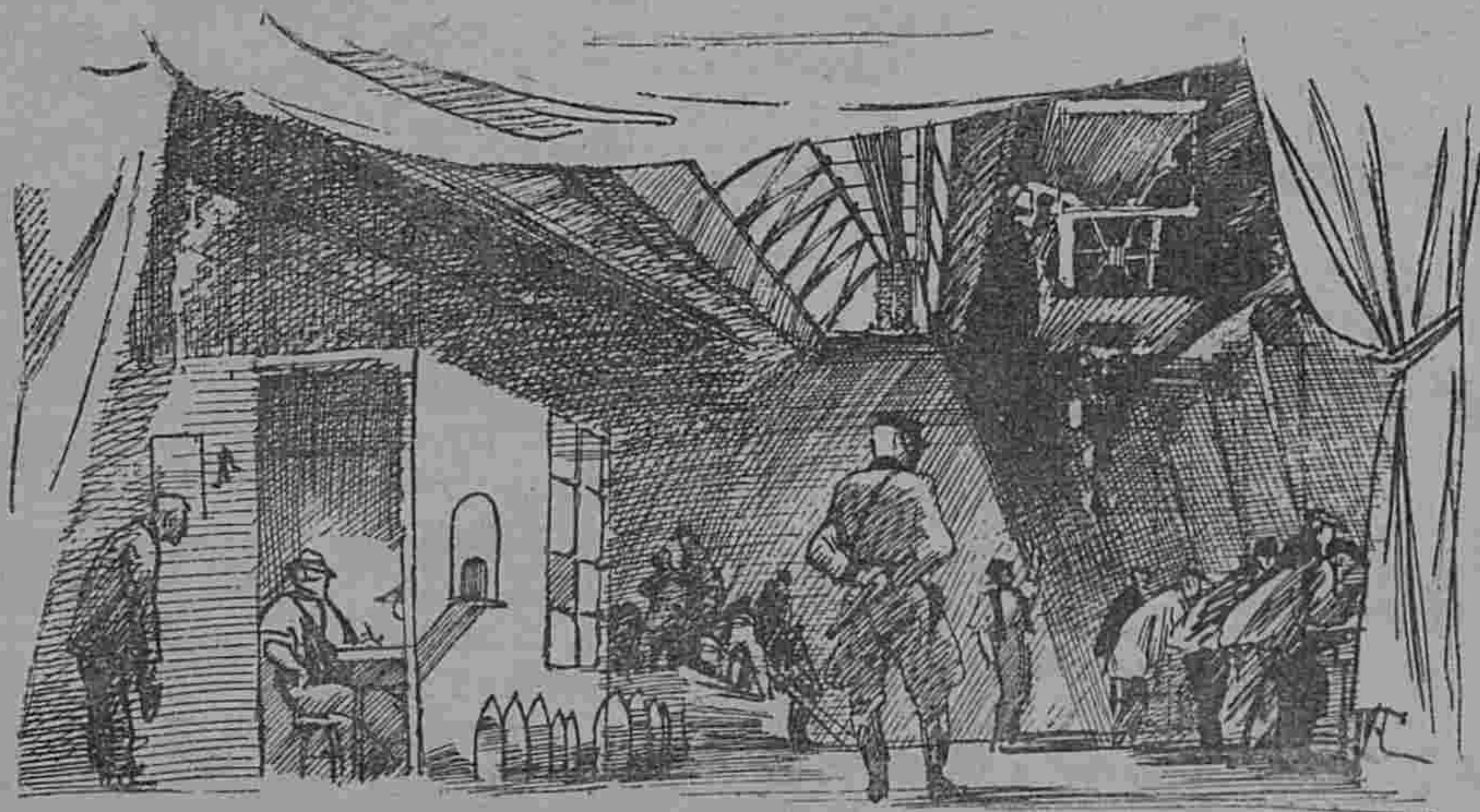

Ефрейтор. — Сухой дуб. Ручей. Стой!
 Петрек. — Кто же это?
 Жандарм. — Это здесь. Место точно
 указано. Вот и старый дуб. И ручеек тут
 же.
 Ефрейтор. — Долой с коней. Обшарить
 кусты!
 Власта. — Они кого-то ищут!
 Петрек (беспечно). — Не нас с тобой.
 Жандарм. — Господин ефрейтор, да их
 тут двое!
 Ефрейтор. — Тут у вас назначено соб-
 рание?
 Петрек. — Какое собрание?
 Ефрейтор. — А где остальные?
 Петрек. — Кто?
 Жандарм. — Мальчишка выкручивается—

это ясно. Да что с ними долго толковать,
 господин ефрейтор!

Ефрейтор. — Забрать его.
 Петрек. — Что же я сделал?
 Жандарм. — Иди, иди, не разговаривай.
 Власта. — Петрек, Петрек! И я с тобой!
 Ефрейтор. — Ты куда? Девчонку оста-
 вить в засаде!
 Петрек. — Оставляй девочку в лесу
 ночью? Не имеете права!
 Ефрейтор. — Карл, поддержи девочку!
 А мальчишку посадить в седло. Ганс, са-
 дись с ним!

(Всадники удаляются. Слышится затихающий кон-
 ский топот. Издали доносится голос Власты. —
 Петрек! Петрек!)

ВТОРАЯ СЦЕНА

КАРТИНА 1

Немецкий военный завод.

Стражник Карл. — Господин старший
 мастер, позвольте доложить: подручному
 Анри раздробило кузнечным молотом пра-
 вую руку.

Мастер Фогель. — Он нарочно подсу-
 нул ее, подлец! Лодырь! Саботажник! Де-
 зертир! В тюрьму! На каторгу!

Карл. — Позвольте доложить: он заснул
 у молота, господин начальник! Они ведь
 работают восемнадцатый час.

Фогель. — Подумать только: такой здо-
 ровенный шестнадцатилетний молодчик на-
 чинает отлынивать от работы! Но я его за-
 ставлю работать и левой рукой!

О, я насквозь вижу вас, русины, словаки,

мадьяры, поляки, венгры! Я знаю: все вы
 ненавидите нас, немцев. Я знаю: вы готовы
 стереть с лица земли благородную арийскую
 расу. Но вы забыли, что вы на военном
 немецком заводе. И хотите вы или нет, но
 вы будете работать, чорт возьми, как нам
 нужно.

(Шум, суета).

Карл. — Свен, волоки его сюда, в конто-
 ру. Позвольте доложить, господин началь-
 ник.

Фогель. — Что?

Карл. — Новенький, господин началь-
 ник.

Фогель. — А ну, подойди. Кто такой?

Петрек. — Петрек.

Фогель. — Нация?

Петрек. — Чех.

Фогель. — Опять чех! Возись с вами, лодырями...

Карл. — Позвольте доложить, господин начальник, мальчишка крепкий, месяцев на шесть хватит.

Фогель. — Посмотрим! Поставьте его на место этого, ну, которому руку раздробило. Следить за ним.

Карл. — Слушаю, господин начальник.

Фогель. — Ты, мальчишка, запомни: здесь надо работать. И никаких разговоров. Да руки, руки береги, болван! Не твои теперь руки, немецкие, понял? Ну, пшел! Ох,

уж эти мне чехи, поляки, русины... Но я научу вас!..

Карл. — Господин начальник!..

Фогель. — Ну, что стряслось?

Карл. — Из штаба, господин начальник. Налет! Русские!

Фогель. — Тише! В цеху — ни слова.

Карл. — Слушаю, господин начальник.

Фогель. — Я ухожу на срочное совещание к директору. Понятно, Карл?

Карл. — Вас вызывает штаб к директору на совещание, господин начальник? В бомбоубежище?

Фогель. — Работу в цеху не прекращать. Немецкие бомбоубежища не для всяких...

Карл. — Слушаю, господин начальник.

Фогель. — Отвечаешь за цех ты!

Карл. — Слушаю, господин начальник.

Фогель. — Я скоро вернусь.

Карл. — Позвольте доложить, господин начальник: не найдете ли вы нужным, что бы я тоже присутствовал на совещании у директора штаба в бомбоубежище?

Фогель. — Идиот! Ты останешься здесь! (хлопает дверью).

КАРТИНА 2

В городе объявлена воздушная тревога. На заводе работают.

Владек. — Как твое имя, новенький?

Петрек. — Петрек.

Владек. — Ты откуда?

Петрек. — Из Чехии, из Влашима.

Владек. — Родные есть?

Петрек. — Сирота.

Владек. — А я — Владек.

Петрек. — Поляк?

Владек. — Да, из Седлеца.

Петрек. — Сколько же тебе лет?

Владек. — Десять.

Петрек. — За что же тебя взяли, малыш?

Владек. — Зазевался и не снял шапку перед немецким офицером. А вон того, который идет сейчас к нам, зовут Свен. Он — норвежец.

Петрек. — А его за что?

Владек. — За что? За то, что он партизанил в Норвегии. Посмотри, какой молодец! Ничто его не сломило. С полгода на этой каторге, а еще смеется.

Свен (смеется). — Ну и дела, ребята!

Владек (испуганно). — Свен! Вот услышит мастер, — всех нас засадит в карцер!

Свен. — Фогель услышит? Да его и след простыл. Все в бомбоубежище. Самолеты летят! Русские самолеты!

Владек. — Откуда ты знаешь, Свен?

Свен. — А я подслушал, как Фогель с Карлом шептались в конторе. И нагнали же русские страха на этих фашистских свиней! Вот бы догадались летчики шлепнуть фугасом по макушке наш завод! С каким бы треском взорвалась вся эта махина.

Владек. — Вместе с нами...

Свен. — Лучше взлететь на воздух вместе с этим проклятым заводом, чем гнить на фашистской каторге. Только найдут ли летчики наш завод? Ведь на дворе черная ночь... Ребята, а что, если мы сорвем светомаскировку?

Владек. — А вдруг вернется Карл?

Свен. — Им сейчас не до нас. Такой случай может больше не повториться! Ну, кто за мной? Эй, ты, новенький! Трусишь?

Петрек. — Кто? Я трушу? Да я вырос на деревьях! У нас, брат, в Чехии такие яблони и буки! Такие горы! Или ты может быть, думаешь, что я немцев боюсь? Куда лезть? Кого бить?

Свен. — Ишь, забияка! Осторожнее! Упадешь!

(Отдаленный гул налетающих самолетов).

Свен. — Ребята! Самолеты летят!

Владек. — Русские бомбардировщики!

Свен. — Бейте проклятых гитлеровцев, товарищи! Взрывайте, громите! Отомстим за мою Норвегию!

Владек. — За Польшу!

Петрек. — За Чехию!

Петрек. — Привет вам, русские летчики!

Свен. — В цех! Срывать ставни!

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

*Фашистская тюрьма Тишина, гнетущая и насто-
роженная*

Владек. — Петрек, ты не спишь?

Петрек. — Только что проснулся. (Пауза)
А тебе очень плохо?

Владек. — Спина болит сильно. И голо-
ва...

Петрек. — Ну, ничего, нам со Свеном,
брат, тоже крепко досталось... А ловко
бахнули фугаски! Пол-завода взлетело на
воздух! Фашисты готовы лопнуть от злости.
Недаром они все допытываются, кто научил
нас сорвать светомаскировку...

Владек. — Но я ничего не сказал им.
Я не выдал Свена, правда?

Петрек. — Ты настоящий парень, Владек!

Владек. — А все-таки очень болит спи-
на.

Петрек. — А ты попробуй, засни. Зна-
ешь, Владек, какой сон мне только что при-
снился! Будто я на Бланницкой горе. Светит
солнце... На буках уже лопнули почки.

Владек. — Да. Ведь завтра первое мая...
Я знаю одну песню, которую поют 1-го мая
в России. Я слышал по радио. О, там поют
много хороших песен (*напевает*). (Пауза). Пет-
рек, а ты не боишься?

Петрек. — Чего?

Владек. — Они нас могут повесить?

Петрек. — Владек, а тебе не кажется,
что мы герои?

Владек. — И я?

Петрек. — Все мы. А герои платят
жизнью за свой подвиг.

Свен. — Эй вы, герои! Чего спать не
даете?... Который час?

Петрек. — Уж не боишься ли ты про-
спать, Свен?

Свен. — Я боюсь, что нас во-время не
разбудят. У меня еще столько дел: побриться,
сы, принять душ, написать завещание...

(*зевает*). Вот что, ребята, если вам не спит-
ся, говорите шепотом, не мешайте спать.

(Открывается дверь камеры).

Надзиратель. — Эй, ты там, Свен Ган-
сен! На вопрос, скотина!

Владек. — Свен, куда тебя?..

Свен. — Не слышал? Меня чай пить при-
глашают! Ну, а вас и не пригласили! Спи-
те, ребята! (Уходит).

Владек. — Шутник!

Петрек. — Молодчина!

Владек. — А ты еще и не знаешь как
Свен попал к нам на завод? Я тебе не рас-
сказывал?

Петрек. — Нет.

Владек. — Понимаешь, Свен задержал
отряд немцев! Один.

Петрек. — Ну? Когда? Как?

Владек. — Спасал товарищей — партизан.
Он же из партизан, я тебе говорил... Пом-
нишь? Так вот: товарищей спас, а потом
сам был ранен и чуть не попался. Но его
спрятал один норвежец, Иорген по фами-
лии. Вечером Иорген Свена спрятал, а на
утро его сам и выдал! Ведь за Свена-то
назначена была премия!

Петрек. — Вот подлец.

(Шум, глухие крики).

Владек. — Слышишь! Уж не Свена ли
бьют?! Не Свен ли это?

(Лязг замка, вваливается избитый Хмарек, стонет).

Хмарек. — Ой, ох! Негодяи! Мерзавцы!
Изверги!

Петрек. — Вас избили?

Петрек. — Владек, принеси воды. Круж-
ка в углу.

Владек. — Я — мигом! (*отходит*).

Петрек. — У вас кровь на лице... Боже
мой! Да это никак господин Хмарек?

Хмарек (*испуганно*). — Я? Я не Хмарек!

Петрек. — Да нет же... Это вы, конечно, вы!

Хмарек. — А вы кто такой?

Петрек. — Я Петрек. Я из Чехии. И я встречался там с вами!

Хмарек. — Во Влашине?

Петрек. — Ну вот, теперь вы припоминаете?

Хмарек. — А тот, что пошел за водой, это кто?

Петрек. — Малыш? Это Владек — мой приятель.

Хмарек. — И в камере больше никого нет?

Петрек. — Никого.

Хмарек. — Ну ладно. Я — Хмарек.

Петрек. — Так почему же вы отпирались?

Хмарек. — Вы еще неопытный конспиратор, Петрек. Окликать человека так, вдруг, по фамилии! А если бы в камере был провокатор?

Петрек. — Вы правы, господин Хмарек!..

Хмарек. — А почему вы не называете меня товарищем?

Петрек. — А почему вы говорите мне вы? Ведь товарищу говорят ты!

Хмарек. — Ну хорошо: ты... ты... ты (*смеется*).

Владек (*возвращается*). — Вот вода. Э, да вы никак уже поправились!

Хмарек (*стонет*). — Ох, рука! Плечо!

Петрек. — Мы оба забылись. Мы обрадовались встрече. Это, Владек, мой земляк. Намочи платок. Где у тебя больше болит, товарищ Хмарек?

Хмарек. — Правое плечо вывихнуто... Ох! Спасибо.

Петрек. — За что это они тебя?

Хмарек. — За то, что я чех. Этого сейчас довольно, чтобы бросить человека в тюрьму. Ты знаешь... (Шум, за дверью голоса, шаги).

Петрек. — Стой! Слышишь? Это что?

Владек. — Это не Свен?

Хмарек. — Свен? Какой Свен?

Петрек (*нетерпеливо*). — Ну, Свен наш товарищ!

Хмарек. — Фамилия!

Петрек. — Ну, Свен Гансен!.. Опять боишься провокации?!

Хмарек. — Гансен!!.. Ой!

Петрек. — Ты что? Что с тобой?

Хмарек. — Больно. Плечо! Рука! Ой, (Входит Свен).

Свен. — Негодяи! Подлецы!

Владек. — Свен! Опять они тебя...

Свен. — Избили, дьяволы!

Владек (*жалобно*). — Больно? Очень больно?

Свен. — Ладно. Не хнычь!

Хмарек (*стонет*).

Свен. — А это кто?

Петрек. — Еще одного подбросили.

Свен. — Что за человек?

Петрек. — Хмарек... чех...

Свен. — Ты его знаешь?

Петрек. — Мой земляк, старый знакомый!

Свен. — Ты его хорошо знаешь?

Петрек. — Ну, конечно. Да что вы, точно сговорились! Вот и Хмарек меня чуть не принял за провокатора!

Свен. — А провокатора нам могут подкинуть! На допросе у меня все допытывались, как сорвали светомаскировку, кто зачинщик... Спасибо, Владек. Замечательная вода.

Владек. — Дай, я помогу перевязать.

Свен. — Мне самому ловчее... Ну, вот и готово... А что же этот ваш новый, тоже избит? И вы ему не помогли? До сих пор?

Владек. — Мы, Свен, как умели...

Свен. — Плохо умели! Эх вы!.. Товарищ, товарищ!.. Как его?

Петрек. — Хмарек!

Свен. — Товарищ Хмарек! Товарищ Хмарек! (*Поражен*). Иорген?!

Петрек. — Ты что, Свен? Что с тобой?

Свен. — Предатель Иорген!

Петрек. — Ты это о ком?

Свен. — Это он, Иорген!

Владек. — Который тебя выдал?

Петрек. — Что ты, Свен! Это Хмарек, мой земляк!

Свен. — Иорген! Провокатор Иорген! Ну, ты, не прячь лицо! Все равно узнал! Ты Иорген!

Хмарек (*стонет*).

Петрек. — Свен! С ума сошел! Убери руки! Говорю тебе: это Хмарек. Мой земляк!

Свен. — Молокосос! Нам провокатора подкинули, а ты его защищаешь! (Борьба).

Хмарек (*вырывается*). — Помогите! Убивают! Сюда! (*стучит в дверь*).

Свен (*бросается к Хмареку*). — Замолчи, негодяй, убью!

Владек (*поражен*). — Смотрите! Он колотит в дверь правой рукой, а она ж у него вывихнута!

Хмарек (*кричит*). — Помогите! Помогите!.. (Свену) Пусти, бродяга! Партизан!

Владек. — Партизан? А это откуда он знает? Петрек, это правда Иорген, — он же себя выдал.

Петрек. — Ах, подлец! Негодяй! Так вот, какой ты чех! Вот ты какой Хмарек!

Свен. — Ага! Ты драться! Так вот поучай! (Борьба. Быстро открывается дверь, врывается надзиратель. Он пьян).

Надзиратель. — Шум! Драка!

Свен. — Ну вот! Надзиратель пожаловал!

Надзиратель. — Что за свалка? Мерзавцы?! А эт-то что? Кто убил Миллера?

Петрек. — Миллера? Так это не Хмарек?.

Свен. — И не Иорген!..

Владек. — Он немец!

Надзиратель. — Так это ты всех взбунтовал?

Владек. — Ой, ой! Он убьет Свена!
(Стук падающего тела).

Петрек. — Не убил. Он пьян. Я подставил ему ножку. Он уже лежит.

Свен. — Я его держу. Владек, хватай у него наган! (надзиратель мычит). — Петрек, Владек, бегите! (Борьба).

Владек. — А ты?

Свен. — Бегите, бегите! Скорей! Я следом за вами. Да бегите же, пока он пьян!

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА

Разгорается заря. К перекрестку глухой лесной дороги подходят два мальчика.

Петрек. — Посмотри, Свен, какое чудесное утро. И как это ты ловко разгадал этого провокатора! Правда, Свен, как чудесно мы спаслись?

Свен. — Это я нарочно заказал такое утро. Ведь сегодня первое мая, Петрек.

Петрек. — Первое мая? А я и забыл!

Свен. — Прощается тебе на первый раз. Пришлось-таки нам поработать ночью!

Петрек. — И как это ты ловко разгадал этого провокатора!

Свен. — О, я старый революционер!

Петрек. — Но какой негодяй! Предатель! Подлец! А я ему так доверял!

Свен. — На то он и провокатор, чтобы ему доверяли!

Петрек. — Владека жалко... Знаешь, Свен, если бы я был астрономом, я бы каждую звезду назвал именем какого-нибудь

героя! И одну звезду отдал бы нашему Владеку. Вот хоть эту — совсем маленькую.

Свен. — Звезд нехватит, Петрек... Ну, прощай, здесь нам расходиться.

Петрек. — А, может быть, мы еще и встретимся, Свен?

Свен. — Может быть. Петрек, куда же ты теперь?

Петрек. — Во Влaшим, на родину. А как ты думаешь, Свен, Бланницкая гора еще не раскрылась?

Свен. — Почему бы нет? Там, я думаю, и для тебя найдется местечко, среди бланницкой конницы. Я так тебя и вижу на вороном коне, с опущенным забралом, с копьем наперевес.

Петрек. — Ты смеешься!

Свен. — Ничуть! Только смотри, Петрек, не плошай! Возьми копьё подлиннее, чтобы нанизать на него побольше фашистов... Ну, прощай!

О СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ

ЛЁТНАЯ ЖИЗНЬ ИВАНА ПЛЕХАНОВА

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

За широким окном госпиталя шелестели тополя, синело просторное небо. В палату вливалась предвечерняя прохлада и тишина. Летчик Плеханов с грустью посмотрел за окно на голубое небо, глубоко вздохнул и тихо сказал:

— Пиши, друг, пиши так: „В последнем бою я потерял руку, но ты не печалься, жена моя, верная подруга. Я здоров, вторая моя рука крепка и ноги твердо стоят на советской земле. Хорошо стучит сердце в моей груди и ярость к врагу велика... Одно только меня печалит, не стану скрывать, сильно печалит: кончилась лётная жизнь Ивана Плеханова...“

Он замолчал и легкая тень печали, как крыло птицы, мелькнула на его лице. Летчик опустил голову, помолчал. И вдруг снова сказал:

— Каждый человек имеет свою мечту. И моя мечта была — стать летчиком-истребителем. Я всю жизнь мечтал грудью о грудью сразиться с врагом. Я думал о голубых просторах и, сидя в школе, за партой, с глубоким волнением читал „Песню о соколе“: я мечтал стать соколом... Во сне мне снились легкие головокружительные полеты. И когда я, мальчишка, просыпался среди ночи, подушка жгла меня, как раскаленная плита. Я выходил во двор, подставлял разгоряченное лицо прохладному ночному ветру и подолгу смотрел на звездное небо.

Отец мой, крепкий и широкоплечий человек — колхозный пахарь, пропахший землей и хлебом, сурово сказал мне:

— Ты, Ваня, весь какой-то неземной. Все до верха стремишься, а человеку дано по земле ходить!

Тогда я дерзко, с мальчишеским задором ответил отцу:

— Верно, я неземной. Я летчиком буду!

Сбылась моя мечта, как сбывается все благородное и смелое в нашей советской жизни. Ленинский комсомол послал меня в лётную школу, и спустя несколько лет стал я летчиком-истребителем...

И вот пронеслась военная гроза над моей родиной и я стал охранять Москву от вражеских налетов. Сильно горело во мне желание схватиться с врагом, грудью о грудью и ударить его о землю, о камень, чтоб дым от него пошел. Но только в сентябрьский день под Ленинградом мне удалось встретиться лицом к лицу с заклятым врагом. Вылетели мы вдвоем с моим товарищем, старшим лейтенантом Богомазовым, патрулировать просторы ленинградского неба. Вижу я — из-за дальнего лесочка вынырнули три „Мессершмитта“ и, скрываясь за облачками, направились разведывать важный военный объект. У меня дух захватило: „Наконец-то схвачусь с врагами моей отчизны!“ Перевели мы свои машины в пикирование и разбили строй фашистских самолетов. Ведущий дал газ и хотел улизнуть. Он юлил, метался, старался сбить меня с толку, пе-

реходя на бреющий полет, маскируясь фоном местности. Но я настиг его и немец спикировал в могилу...

Летчик улыбнулся, вспомнив былое, и продолжал свой рассказ.

И был еще денек. Однажды немцы бросили на передний край нашей обороны большое число бомбардировщиков. Я, с четверкой наших истребителей, встретил их до подхода к цели. В этот день нашим летчикам приходилось делать вылет за вылетом и вступать в бой... Тут уже я отвел душу — двух сбил.

И вот последняя схватка.

Иван Плеханов вздохнул, сжал зубы:

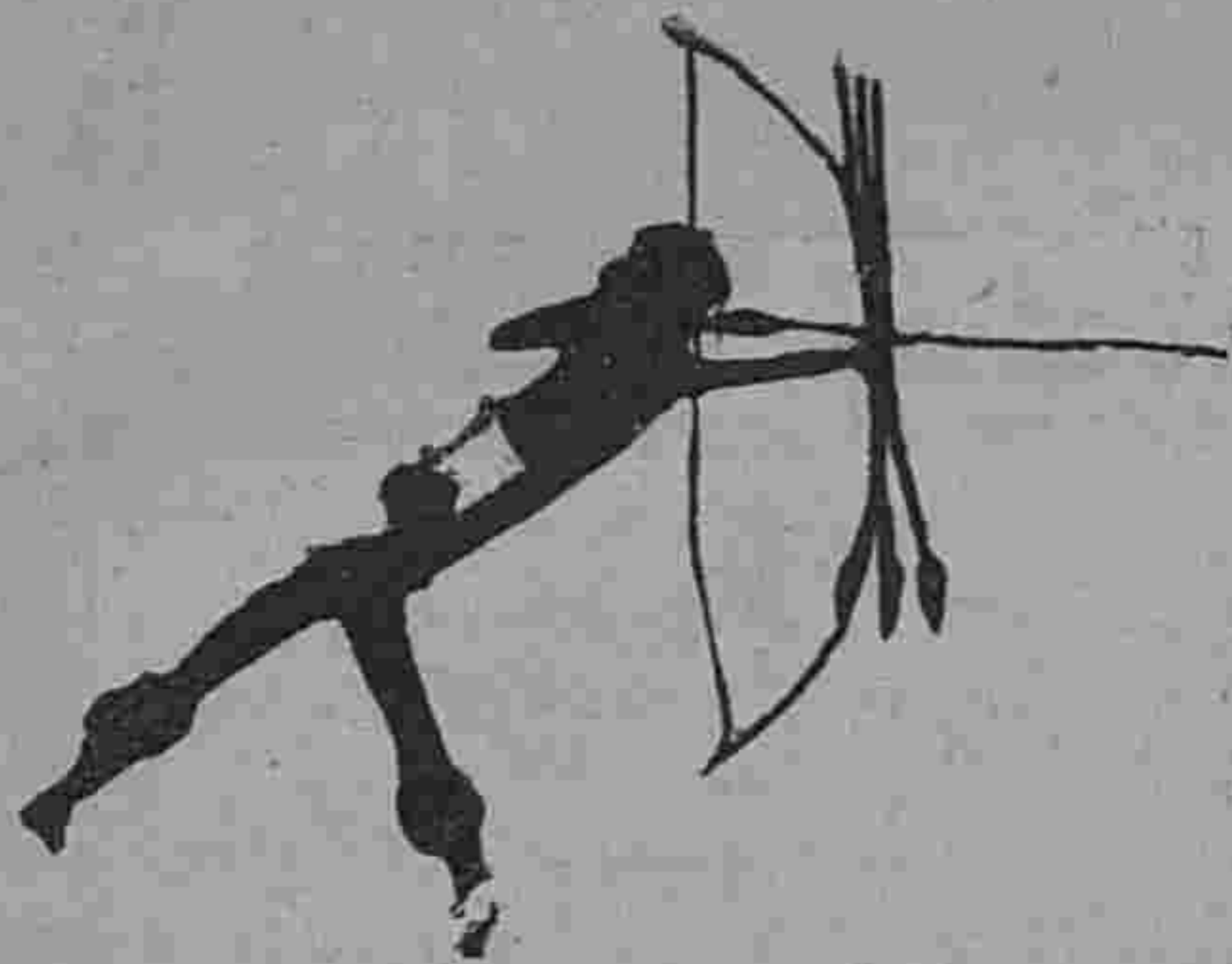
— Они думают все кончено! Нет, погоди, еще дороги наши пересекутся... Так вот немецкий истребитель атаковал моего товарища, я поспешил к нему на помощь и сбил врага. В этот момент, когда я выходил из боя, меня атаковали два „Мессершмитта“, но я удачно вышел из-под удара. И все бы хорошо, но со стороны солнца незаметно подошли еще два немца и один из них пальнул из пушки разрывным снарядом в мою кабину. Все — вдребезги. Машина моя потеряла управление и перешла в пикирование. Погоди, думаю, — еще не все. Иван Плеханов не сдался. Схватился за рулевое управление и кажется — все в порядке, но не слушается машина... Глянул я и может быть это был миг, как молния, короткий миг, но я увидел, я осознал: нет у меня правой руки! Отполоснуло ее снарядом, будто ножом и вот она лежит у моих ног. В ярости я даже не заметил этого. Боли даже не чувствовал. Собрав все силы, я попытался ногами развернуть машину, но она не слушалась руля и падала.

Стиснул я зубы от боли, оттолкнулся ногами от сидения и левой здоровой рукой вырвал вытяжное кольцо от парашюта и потерял сознание...

Открыл я глаза, вижу неподалеку колеблется, гаснет белый купол, а по взрытому полю бегут суетливые люди. „Кто они? — подумал я, — может враги, немцы?“ И была минута, когда я думал: все кончено, и тянулся к оружию. Но прибежали свои, наши, милые, родные, советские люди. Я вздохнул глубоко и сказал себе: „Ну, Иван Плеханов, походишь ты еще по русской земле, много дел еще переделаешь“. Эх, какое счастье жить, товарищ!..

Вечерний луч солнца упал у кровати раненого. На стене заиграл золотой зайчик, Иван Плеханов поднял на меня глаза и улыбнулся.

— Нет, не кончилась моя боевая жизнь. Я сбил двенадцать немецких гадов и еще отомщу врагу. Я еще встречусь с врагом, если не в небе, то на земле. Иван Плеханов крепко стоит на земле, хорошо стучит сердце в его груди и, пока оно стучит, он яростно будет разить лютого немецкого гада!

ДРЕВНЕЕ ОРУЖИЕ СТРЕЛКА

О. МАЛЬЦЕВА

рис. Н. Полозова

Это произошло несколько веков тому назад, когда Швейцария подпала под власть австрийцев.

Австрийский герцог, ворвавшись в мирный швейцарский городок, ввел унижительный для швейцарцев порядок. Посреди городской площади была вывешена на столбе шляпа герцога, и каждый местный житель обязан был, проходя по этой площади, кланяться герцогской шляпе.

Жители городка перестали ходить по этой площади, чтобы избежать унижения.

Но однажды лучший стрелок страны, Вильгельм Телль, прошел со своим маленьким сыном по этой площади и не поклонился торчавшей на столбе шляпе. Стража схватила Телля и потащила к герцогу-самодуру.

И вот герцог придумал для Телля такое наказание: он обещал отпустить стрелка, если тот пробьет стрелой яблоко на голове своего сына.

Телль колебался. Правда, его стрелы не знали промахов, он шутя убивал на-лету ласточку. Но что, если дрогнет рука, изменит глаз и он станет убийцей своего любимого, единственного сына...

Но сам мальчуган не боялся испытания. Он-то хорошо знал, какой меткий стрелок его отец!

Вильгельм Телль взял свой лук-самострел, отошел на пять — десять шагов и натянул тетиву так, что она зазвенела. Стрела со свистом пролетела и вонзилась в самую середину яблока.

Прошло немного времени и швейцарцы восстали против своих угнетателей. И снова Вильгельму Теллю довелось показать свое искусство владеть луком. Вместе с восставшими смельчаками он подстерег ненавистного герцога. Рука Телля не дрогнула, не изменил его верный глаз, когда он пустил стрелу, поразившую тирана. Герцог упал, не успев даже вскрикнуть...

Вот каким метким стрелком был Вильгельм Телль, легенда о котором сохранилась до наших дней.

Во времена Вильгельма Телля воины сражались уже копьями, коваными мечами, самопалами, и все же тогда еще пользовались луками. Больше того, даже в наше время, в эпоху огнестрельного автоматического оружия, сверхдальнобойных и бронебойных орудий находятся еще народы, у которых лук — основное оружие.

История лука очень древняя, она уходит вглубь отдаленных веков.

Самые древние луки ученые впервые нашли на дне швейцарских озер, около остатков жилищ, построенных на сваях. Давно, давно в этих жалких хижинах, едва укрывавших от непогоды и холода, жили охотники. На озере они ловили рыбу, а в лесах охотились за дичью. Оружием им служили лук и копье.

Много десятков веков прошло с тех пор, как рука охотника в последний раз натянула тугую

тетиву и выпустила стремительную стрелу. Не стало охотников, не стало племени, жившего в хижинах над озером. Полуразрушенные постройки затопило водой. И только толстый слой песка и торфа на дне озера сохранил вещи этих далеких предков современных людей. Среди них оказался лук, вырезанный из ствола дерева, с утолщением посередине, с выемками для тетивы на концах.

Ученые установили, что этот древний лук, найденный на дне озера, принадлежал людям, умевшим изготавливать глиняную посуду, полировать камень, — людям нового каменного века.

Но как бы давно ни жили эти озерные охотники, их лук все же не самый древний.

Правда, археологи не нашли более древних луков, но в стоянках первобытных людей встречается немало доказательств тому, что человек владел луком уже тогда, когда его единственным жилищем была пещера.

Первое доказательство — это находки множества кремневых осколков, грубо оббитых и слегка обтесанных; они попадаются во всех стоянках доисторического человека. Более крупные осколки — наконечники копий, более мелкие — наконечники стрел. В длинные вечера, сидя перед огнем очага, прислушиваясь к завыванию ветра и вою животных, человек заготавливал себе оружие для охоты и защиты от враждебных соседей.

Второе доказательство — рисунки доисторических людей на стенах их жилищ-пещер. Чаще всего — это охотничьи сценки. Правда, рисунки эти неумелы и грубы, но древние художники умели так верно передать движение человека или животного, что нам легко представить себе как и на кого охотился первобытный человек.

На стене одной испанской пещеры охотник с луком нарисован красной краской. Стрелок прицелился, он готов спустить упругую тетиву. Еще мгновение — и стрела полетит, а стрелок будет зорко всматриваться — удалось ли ему поразить дичь. Не беда, если он промахнулся. Ведь в запасе у него еще целых три стрелы. И, конечно, дичь от него не уйдет.

Этот рисунок, как и многие другие, рассказывает нам, как в отдаленные времена охотились люди с помощью простого лука.

Как же изобрели лук доисторические люди?

Вернее всего, человек изобрел сначала копье — оно поражало жертву вернее, чем брошенный заостренный камень. Потом человек наверное изобрел копьёметалку, дощечка, в которую

упирался конец копья. Она как бы удлиняла руку человека и оружие летело дальше. Наконец, человек изобрел лук, — силу упругости, заключенную в тетиве и гибкой ветви, он заставил служить себе.

За время своего существования лук и стрелы менялись, совершенствовались.

Люди всегда стремились, чтобы стрелы, пущенные из лука, летели как можно дальше, пробивали цель как можно сильнее. Поэтому они выбирали особо сухое гибкое дерево и всячески обрабатывали его: сушили, промасливали жиром, прогревали на огне.

Если же не удавалось найти хорошего, гибкого, упругого дерева, то подбирали разные материалы.

Изменялись и наконечники стрел: каменные или деревянные впоследствии заменили металлическими. Чтобы в полете стрела не изменяла направления, ее нередко оперяли: перьями, мехом, кусочками кожи или листьями. Оперение — это как бы руль стрелы.

Встречаются очень богато оперенные стрелы и красиво украшенные луки. Такие луки торжественно дарили охотнику, особо отличившемуся на охоте, например, убитому такого сильного зверя, как ягуар.

Иногда изготавливали такие большие луки, что стрелы их достигали величины в метр и три четверти. Бывали очень тугие луки, натянуть которые мог только очень сильный человек. Один американский ученый рассказывает, что натянуть лук индейского охотника из племени Сиу он не мог — у него нехватило силы.

Разные племена натягивают лук по-разному. Например, стрелки племени Ведда, лежа на спине, держат лук ногами, а тетиву тянут обеими руками.

Иногда на стреле (так поступают пигмеи Африки) делают зарубку, чтобы она, попав в цель, обломалась и ее нельзя было бы вытащить. Наконец, чтоб поразить своего врага наверняка, многие племена отравляют свои стрелы трупным, змеиным ядом или соком ядовитых растений.

Даже слон, пораженный всего одной, но отравленной стрелой, умирает через полчаса. Если бы стрела не была отравленной, рана от стрелы оказалась бы для слона пустячной царапиной.

По травянистым прериям Америки не так давно скитались огромные стада бизонов. Мясо бизона — лакомое блюдо индейцев; из шкур бизонов индейцы изготавливали одежду, ковры, домашнюю утварь.

Охотиться на бизона индейцы отправлялись чуть ли не всем племенем: с женщинами, детьми.

Как только вдали покажется облако пыли, поднятое стадом, индейцы на своих пони мчатся к нему во весь опор. Охотники зорко высматривают самок — они скачут медленнее быков. Жертва найдена, теперь охотник держит лук наготове и скачет рядом с животным. Вот он спустил стрелу и пораженное животное уже беспомощно лежит на земле. Случалось, что стрела, пробив одного бизона, поражала соседнего, с такой силой пускали индейцы свои стрелы. Охотник скачет дальше, а женщины оттаскивают убитого бизона к становищу; здесь тушу разрезают на части и обрабатывают шкуру...

Эскимосы охотятся на оленей обычно вдвоем. Тихо, с подветренной стороны (олени не должны почуять человека) пробираются охотники к жертве. Один держит лук над головой, будто это рога оленя. Так животное не различит обмана и не станет бежать. Другой охотник, прячась за камнями, подползает все ближе и ближе. Один миг — и обманутый олень падает, пораженный метким выстрелом.

В Бразилии охотники-индейцы выезжают на рыбную ловлю в лодке. Один индеец медленно гребет, другой стоит на носу, пристально вглядываясь в воду. Он держит лук наготове, а конец стрелы погружен в воду. Покажется рыба и охотник спустит стрелу. Вряд ли кто-нибудь из нас мог бы поймать таким способом рыбу. А индейцу это удается — ведь он охотится с самого раннего детства, поэтому промахи у него очень редки.

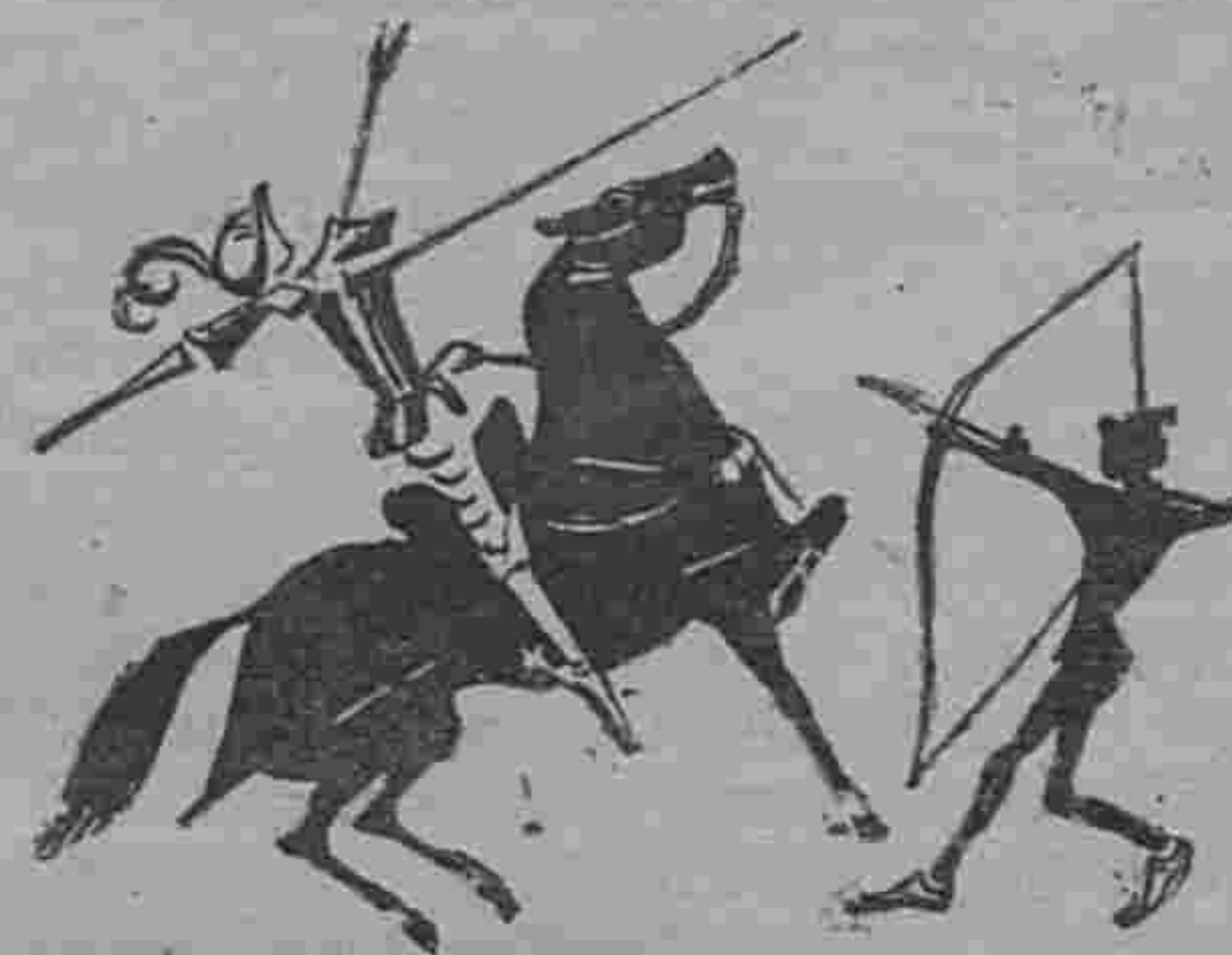
Воины, вооруженные копьями и мечами, обычно сражались сплоченными отрядами. Иначе действовали лучники. Они укрывались за деревьями, камнями, — всюду, где могли, подстерегали своих более сильных врагов и исподтишка приканчивали их.

Много веков назад лучники входили в войска древних египтян, ассирийцев, греков. Египетскую пехоту, вооруженную копьями, мечами, пращами, поддерживали тяжелые боевые колесницы. На каждой колеснице находились лучники; они осыпали врагов стрелами.

Даже в рыцарскую эпоху, когда закованный в латы всадник на своем «бронированном» коне врзался в неприятельские ряды, его сопровождали оруженосцы и лучники. Случалось, что стрелы пробивали даже кованые латы...

Защитой от лука служили щит и панцырь. Но этого было мало. Искусный воин, сражающийся луком, должен быть ловким и быстрым человеком. Ему приходилось не только пускать стрелы, но уметь от них увертываться. Бразильские стрелки, например, ложатся в линию, потом мгновенно вскакивают, выпускают стрелы и снова падают на землю. Мешкать нельзя, иначе стрела неприятеля поразит тебя самого. Когда первые европейцы увидели эти боевые прыжки и увертки индейских воинов они приняли их за танцы.

И верно: у многих народов существуют боевые танцы. Их значение — не только устрашить неприятеля, но развить в своих воинах ловкость и подвижность. Перед походом, на главной площади поселка предводители начинали свой боевой та-

нец. Со стороны танец показался бы нам сочетанием бессмысленных движений, прыжков, неожиданных поворотов, но воину понятен смысл каждого движения. Вскоре к старейшинам присоединяется молодежь, этим они как бы подтверждают, что готовы отправиться в поход.

Представление о том, что битва начинается танцами, приводило иногда к печальным недоразумениям. Когда Колумб в третий раз подъезжал к берегам Америки, индейцы выехали на своих пирогах приветствовать его. В ответ Колумб приказал своим юнгам начать веселый танец. Но индейцы иначе отнеслись к музыке и танцам — они приняли их за подготовку к бою, и в испанцев полетела туча стрел. На стрелы испанцы ответили выстрелами фальконетов и дружественная встреча превратилась в побоище...

Вы видите, история лука проходит красной нитью через историю почти всех народов всех частей света, кроме Австралии — там лука не знали.

Стрела, пущенная из лука, оказывалась смертоносной и на войне и на охоте. И, конечно, лук распространился так широко потому, что изготовить его было легко, стрелять из него просто. В одну минуту стрелок может выпустить двадцать стрел! Пока мушкетер успевал сделать один выстрел, лучник делал тридцать шесть. Стрела из длинного лука пробивала доску, толщиной в дюйм. Стрела летит на расстояние двухсот метров, а пущенная из дальнобойного лука и на четыреста метров. Лук — великолепное оружие: простое и надежное, меткое и дальнобойное, сильное и быстрое. Только усовершенствованное огнестрельное оружие оказалось достойным соперником этого древнего оружия стрелка.

Но значит ли это, что мы должны только с благодарностью вспоминать лук, отслуживший свою службу человеку?

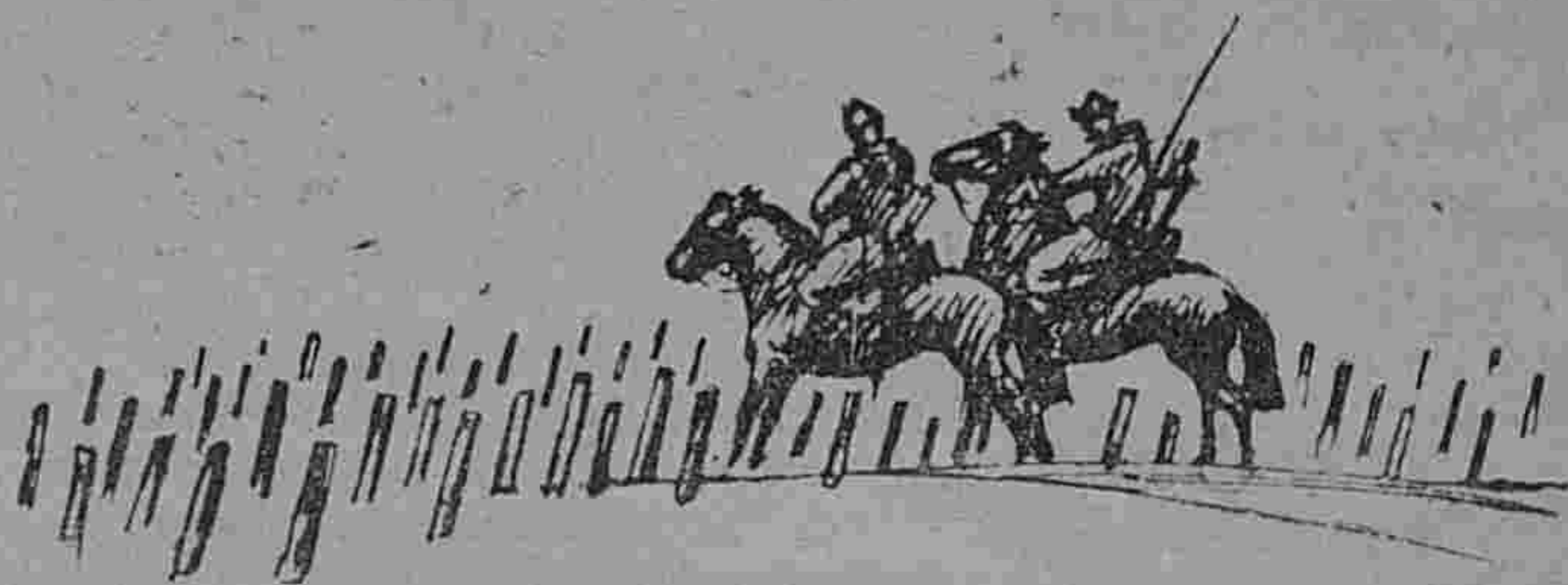
Нет. Стрельба из лука развивает меткость глаза, твердость и верность руки. А эти качества необходимы каждому стрелку, любому снайперу. Сибирские стрелки били стрелой белку только в глаз, чтобы не испортить ее ценной шкурки. А чтобы попасть в глаз такого маленького животного, нужна меткость снайпера. Мы говорим и теперь: „стреляет из винтовки“, „стреляет из револьвера“ и этим каждый раз как бы подчеркиваем связь и преемственность современного оружия и древней стрелы.

Искусным стрелком станет тот, кто с детства развивает в себе меткость. И каждый может сделать это, пользуясь луком и стрелами. Изготовить лук очень просто. Достаточно выбрать хорошую ветку (длиною около 70 см) можжевельника, тисса или другого упругого дерева и ровно обстрогать ее. На концах следует выстрогать выемки для тетивы, а тетиву сделать из шпагата. Можно разрезать ветку вдоль.

Изготовить стрелы легко — это прямые, тонкие палочки, заостренные спереди. Наконечники, вырезанные из жести, хорошо уравновесят стрелу; в полете она не будет отклоняться. Для проверки надо привязать нитку около центра тяжести стрелы — центр находится в одной трети от переднего конца стрелы. Если стрела будет висеть горизонтально, значит она будет уравновешена правильно.

Стрелу можно оперить, для этого подойдет любое перо крупной птицы.

Если вы овладеете стрельбой из лука, если вы, подобно Вильгельму Теллю, будете убивать стрелой птиц на-лету, из вас в будущем выйдет отличный стрелок, снайпер, одной пулей поражающий врага.

НАДОЛБЫ

Мы часто употребляем разные названия и при этом забываем их первоначальное значение. Между тем, они напоминают нам далекое прошлое, рассказывают о вещах, давно вышедших из употребления.

Мы все знаем, что надолбы — массивные бетонные пирамиды, около метра высотой. Надолбы — это препятствие для танков. А танки появились только в конце прошлой мировой войны.

Казалось бы, что и само название противотанкового препятствия так же молодо, как и танк, для которого оно предназначено.

Но это не так.

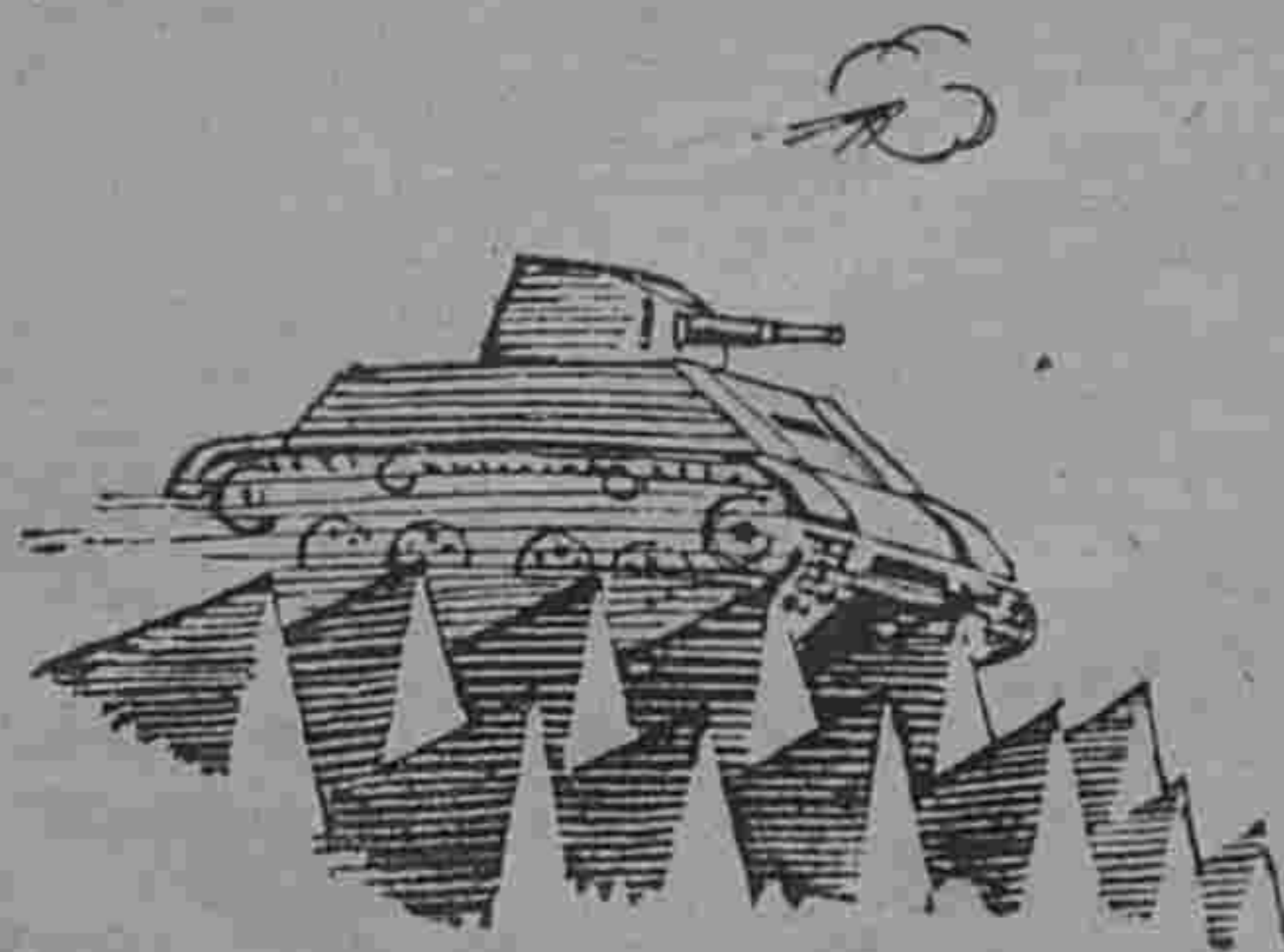
В старину надолбами назывались большие обрубки деревьев, вкопанные в землю.

Чтобы задержать набег всадников множество надолб устанавливали в шахматном порядке. Иногда на обрубки насаживали, или, как тогда говорили, „надалбливали“ еще и поперечные брусья, а пространство между вкопанными бревнами заваливали хворостом.

Такое незатейливое препятствие оказывалось для всадников непреодолимым.

Прежде всего конный отряд должен был спешиться. А кочевники были плохими пехотинцами и сражаться в пешем строю не умели. Начать рубить надолбы? Но поднятый шум сразу оповестил бы всех о приближении неприятеля и приблизиться к городу незаметно было бы невозможно.

Много веков прошло с тех пор. Название это не забылось. Оно попрежнему означает — препятствие, но препятствие для нового грозного орудия войны — танка.

Л Е Т Ч И К,
НЕ ЗАМЕТИВШИЙ
ПАДЕНИЯ
САМОЛЕТА

Знает ли летчик, где верх, где низ?

Конечно, знает! Наверху небо, внизу земля. Даже пробираясь сквозь слепую завесу туч, он знает — внизу земля. На любой высоте человек каждой клеточкой своего тела ощущает земное тяготение. В кабине самолета, как везде и всюду, чувство веса подсказывает человеку, где верх, где низ.

Значит, если самолет в воздухе перевернулся колесами кверху, летчик это заметит? Конечно, заметит скажете вы.

Но нет. Иногда, падая на перевернутом самолете, летчик до последней минуты не замечал катастрофы.

Почему это возможно?

Чтобы понять это, надо сначала ответить на другой вопрос: замечает ли человек скорость движения?

Вспомните — в поезде или трамвае под мерный стук колес вы совсем не ощущаете движения. Иногда вы даже поглядываете в окно, чтобы убедиться — двигаетесь ли вы. Иногда вы засы-

паете... Но вот трамвай или поезд остановился. Вы просыпаетесь от толчка. Почему? Потому что скорость движения мгновенно изменилась.

Когда вы едете в лифте, вы ощущаете толчок лишь вначале спуска и при остановке. Эти толчки говорят вам о резкой перемене скорости. На языке физики изменение скорости называется ускорением. Вы же замечаете только внезапное ускорение.

Представьте теперь, что вы спускаетесь в лифте. И вдруг лифт оборвался. Что произойдет с вами? В силу земного тяготения вы так же начнете падать, как падает лифт. А так как все тела падают с одинаковым ускорением, то вы сразу потеряете упор под ногами. Если вы подпрыгнете, то так и повисните в воздухе и окажетесь в положении жюльверновских путешественников на Луну.

Но вот злополучный лифт под действием какой-то силы стал низвергаться с двойным ускорением, а на вас эта сила не действует.

Тогда пол сам выскользнет у вас из-под ног. Если же с перепугу вы уроните перчатки, они упадут на потолок. Вы сами упретесь головой в потолок и вообразите, что внизу — небо, а наверху — земля. Зато, когда вы, действительно, перевернетесь вверх ногами, вам покажется, будто все в порядке.

Итак, если я теперь скажу, что летчик может не заметить, опрокинулся ли его самолет, вам это уже покажется не таким невероятным.

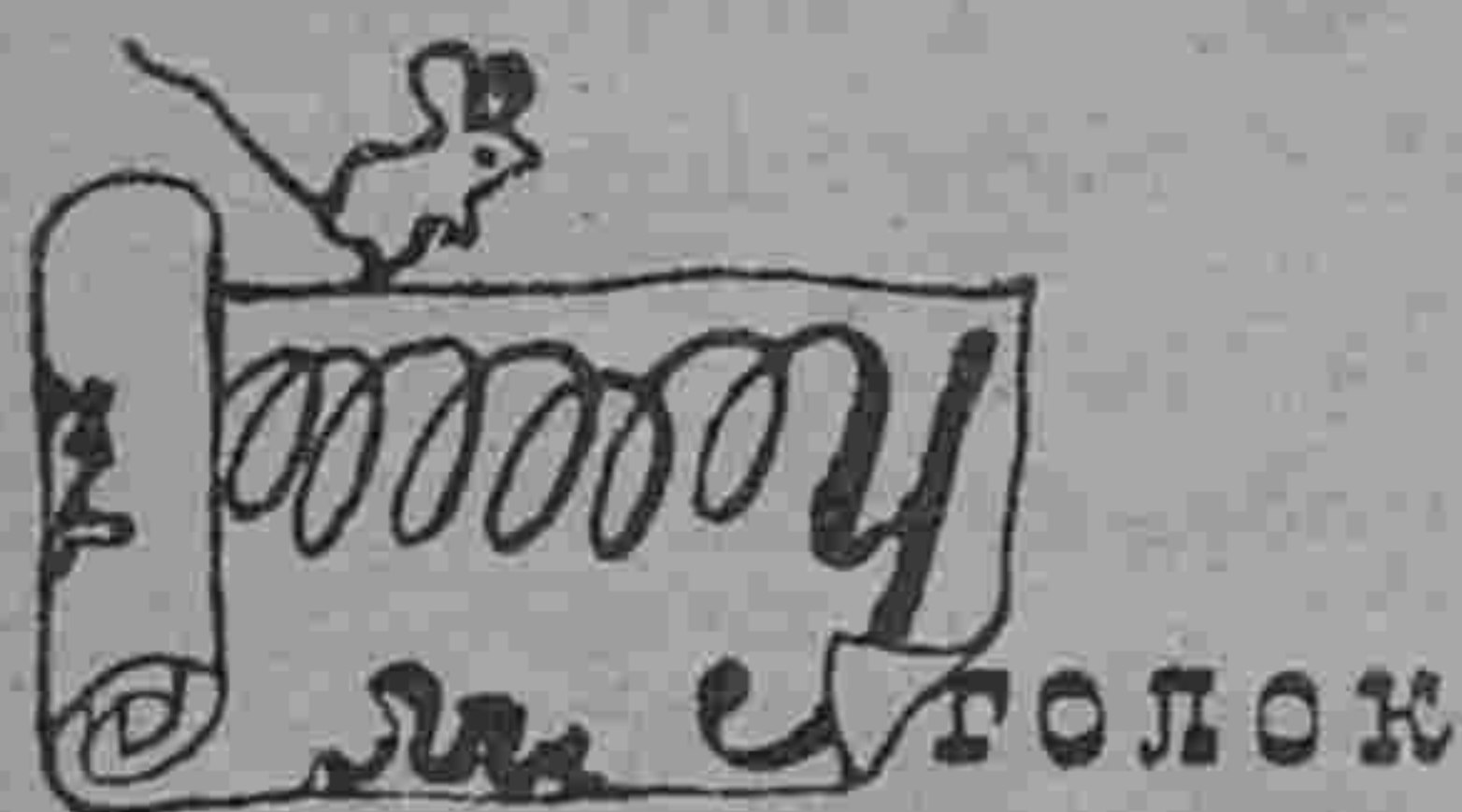
В самом деле. Самолет устроен так, что при его движении вперед струя воздуха всегда давит на шасси к крыльям. Это необходимо, чтобы уравновесить тяжесть самолета и лететь горизонтально. Если же самолет перевернется, воздушная струя будет по-прежнему давить от шасси к крыльям. Но ведь теперь это давление будет направлено сверху вниз. Оно уже не уравновесит тяжести самолета, наоборот, оно прибавится к ней.

И эта добавочная сила заставит падать самолет с двойным ускорением. За рулем потерпевшего аварии самолета человек на деле испытает то, что испытали вы в воображаемой кабине лифта.

Перевернувшись вниз головой летчик окажется прижатым к сиденью и удержится на месте. Не мудрено, что он вообразит, будто все в порядке. Только прорвавшись сквозь пелену туч, пилот увидит, что внизу — небо, наверху — земля. Но увидит слишком поздно!

Итак, бывает ли, что летчик не замечает своего падения?

Бывает — ответите вы. Бывало — скажу я. Ибо теперь каждый летчик имеет на самолете особый прибор, который всегда „знает“, где верх, где низ.

ВСЕОБЩЕГО ГОЛОСА
ВСЕОБЩЕГО АРХИВАРИУСА

СКОЛЬКО БУДЕТ ОТСЮДА ДО НЕБЕС?

Суворов очень не любил, когда на его вопросы отвечали: „Не могу знать“. Он не выносил такого „немогузнайства“ и требовал от своих подчиненных точных и быстрых ответов.

Однажды он спросил одного из своих гренадеров:

— Сколько будет отсюда до небес?

— Два суворовских перехода! — быстро ответил находчивый солдат.

И Суворов остался очень доволен таким ответом.

Я ПОСТАРАЮСЬ САМ ПРИНЕСТИ
МОЮ ГОЛОВУ!

Чрезвычайные успехи и быстрые победы Суворова в Италии привели французскую Директорию в крайнее смятение. Не зная, что делать, она обещала тому, кто привезет голову Суворова, два миллиона ливров в награждение.

Узнав об этом, Суворов приказал привести к себе пленного француза. Когда француза привели, Суворов сказал ему:

— Я отпускаю тебя в твое отечество. Желая тебе счастливого пути! Когда будешь у себя, прежде всего объяви от меня Директории: сумма, за голову мою назначенная, велика. Да у вас и денег столько нет. Скажи своей Директории: я постараюсь сам принести к ним мою голову вместе с моими руками!

Карлики идут...

Н. ТИХОНОВ

рис. Г. Петрова

Маленький Витя мало понимал в делах взрослых, но даже ему в это утро стало ясно, что происходит что-то очень непонятное и тревожное. Через деревню гнали поспешно овец и коров, проезжали телеги, на которых везли много разных домашних вещей, кричали дети, плакали женщины, а где-то совсем близко стреляли пушки.

Его мать с потерянными лицом завязывала какие-то узлы и то и дело говорила ему: „Сиди смирно, не мешай, не до тебя“. Потом она смотрела в окно, выбегала на крыльцо, вглядывалась вдаль и растерянно говорила: „Что же не едет дядя Костя? Как же мы останемся, это не может быть...“

Витя тихонько вышел на крыльцо с прутиком в руке и с любопытством смотрел на деревенскую улицу, по которой никогда в такое время не ходило столько народу, не было такого шума и гама. Но все перекрывали пушки. Они то гудели где-то за холмами, то пронзительно рвали воздух как будто совсем рядом.

Одно слово больше других говорили люди и это слово было: „немцы“. Витя не мог понять откуда они взялись и кто они такие. Спрашивать в этой суতোлке было бессмысленно. Но волнение матери передавалось и ему и он не мог сидеть спокойно в комнате, неприбранной, с раскиданными вещами, с грязной посудой на столе, оставшейся от завтрака.

Он стоял на крыльце, размахивая прутиком, в глубоком раздумьи. Борька подошел

к нему неслышно и тронул за руку. Витя взглянул на Борьку, ожидая, что и Борька сегодня необыкновенный. Но Борька был такой же, только хохол на его голове еще больше распетушился, а в глазах блеснул тот огонек, который всегда появлялся у него, когда он выдумывал что-нибудь такое, ни на что не похожее. Он это часто выдумывал.

И сейчас, взяв Витю за руку, он сказал ему: „Идем-ка я тебе покажу одну штуку...“

Витя пошел за ним, как зачарованный. Борька скользил в пыли босыми ногами, схватив за руку Витю, увлекая его на край деревни. Там на холме стояла ветхая церковка с высокой колокольней, недоступной для детей, так как старый сторож колхоза всегда держал ее запертой. Ребята только, закидывая головы, смотрели на ее крышу, где гнездились пестрые голуби и ходили там по карнизу, так что даже из рогатки их трудно было достать.

Но сегодня дверь на колокольню была открыта и никакого сторожа нигде не было. Борька шмыгнул первым, и за ним, споткнувшись о выбитую ступеньку, шагнул и Витя. Они долго, крадучись, поднимались все выше и выше. Борька оборачивался, строил страшные рожи. Витя с беспокойным любопытством оглядывал серые стены, исчерченные разными надписями и рисунками, но разглядывать их не было времени. Они выбрались наконец на самый верх и солнечный свет ударил им в лицо. Голубой,

сияющий простор неба раскинулся над холмами. Видны были даже дальние леса и луга и речка, — все, как на картинке. Витька просунул голову между перил и у него захватило дух от непривычной высоты.

Минуту он ничего не понимал.

Борька показал ему пальцем в сторону оврага. Оттуда подымались время от времени облачка дыма, раздавался тяжелый удар, сверкал огонь.

— Что это? — спросил он с испугом.

— Глупый, — сказал с достоинством Борька, — это пушки и там, смотри, а это пулеметы наши.

Борька был старше, коновод, он все знал. Вдруг над самой колокольней раздавался какой-то непонятный, громкий щелк и что-то рассыпалось в воздухе, ударило по ближайшим крышам, по деревьям, полетели листья, зазвенели стекла, где-то внизу, среди изб раздались крики.

Витя не успел присесть от страха на пол, как Борька больно рванул его за руку и закричал: „Смотри, карлики идут, карлики идут!..“

Витя подполз к перилам и, не отрываясь смотрел туда, куда указывал его приятель. Уменьшенные расстоянием, от куста к кусту, по лужайке, у самой речки шли, согнувшись в поясе, какие-то маленькие люди в черном. Они показались и Вите злыми, страшными карликами, которые шли на деревню, чтобы убить и Борьку, и Витю, и маму, и всех, кто был в деревне. Они то останавливались и делали какие-то движения, то падали снова, снова вставали и прятались в кустах, возникали из ям, их было много, этих карликов, взявшихся неведомо откуда, как в страшной сказке.

Все это было так непохоже на правду, что Витя смотрел, забыв всякий страх. Когда черный столб вырастал между ними и карлики падали, Борька схватывал Витю за руку и вскрикивал от волнения. Теперь снаряды с легким скрежетом и посвистом проносились над колокольней. Откуда-то слева зарокотал пулемет и карлики упали на землю, чтобы укрыться от него.

Потом они стали по одному ползти дальше. Витя вспомнил, что мама ищет его по деревне. Надо скорее, скорее бежать отсюда. Правда, эти черные фигурки приковывали его

взоры, снаряд ударил где-то совсем близко и колокольня закачалась, как лошадь на карусели. Витя побежал вниз. Борька бежал за ним, держась за стены.

Витя потерял Борьку, когда они оказались на улице, среди возов и людей. Но Вите не до Борьки. Гул и грохот стрельбы тут внизу были гораздо страшнее и люди кричали еще больше. Витя примчался домой в самый раз. С опухшими от слез глазами мать, едва взглянув на него, закричала: „Где же ты был? дядя Костя уже приехал! Бери скорее эту кошолку. Скорее, надо уезжать...“

— Мама, — сказал он, — мама, я их видел. Мама, не бойся — это карлики...

Но мать его не слушала. На улице стоял грузовик.

Дядя Костя усаживал женщин и детей в грузовик. Шофер заводил машину. И когда витина мама тоже уселась на свои узлы, а Витя стоял, держась за борт, он увидел как на деревенской улице появились среди облака пыли большие грузовики и с них стали соскакивать красноармейцы. В руках они держали винтовки и, соскочив, строились в ряды тут же на улице.

Витя смотрел с замиранием сердца на их высокие плечистые фигуры, на загорелые, молодые лица, на сильные руки, державшие на весу пулемет. Они показались ему необыкновенного роста. Самый маленький из них был много выше тех карликов, что бежали там по лугам к деревне. Он сказал матери: „Вот сейчас попадет карликам...“

Мать хотела ему что-то ответить, но шофер тронул машину, и она, тяжело вздрогнув, пошла быстрым ходом.

За пылью Витя ничего не мог больше разобрать. Он упал от толчка на мамины узлы и она прижала его к себе. Так он и остался, но он не мог забыть того, что видел с колокольни и что пережил, когда бежал с Борькой. Его маленькое сердце дрожало. Потом он от усталости заснул. Дорога стала гладкой, машина пошла ровнее... Он просыпался и засыпал. Но одно останется у него на всю жизнь: в голубом просторе лугов черные фигурки злых, страшных карликов и плечистые, красивые, высокие люди, которые соскакивали с грузовиков, чтобы идти против этих, неведомо откуда взявшихся пришельцев...

Быстрота

СВЕТА,

ЗВУКА

и

РАДИО

Вы ждете поезда. По вашим соображениям он находится километров за двадцать. Увидеть его еще нельзя, услышать гул еще невозможно. Но вам хочется знать вышел ли он с предыдущей станции. Как это узнать?

Вы поступаете очень просто: нагибаетесь к рельсу и прикладываете к нему ухо. Если донесся гул, значит поезд идет.

Это возможно потому, что разные вещества — металл, дерево, камень, вода, воздух с разной скоростью проводят звук.

По воздуху звуковые волны, например, распространяются медленней, чем по воде, дереву и металлу.

Но следует заметить, что не всегда то вещество, которое быстрее проводит звук, скорее всего доставит нам ощущение звука.

Вот, например, дерево. Оно проводит звук быстрее, чем воздух. А деревянная стенка или дверь мешает нам слышать звук. Почему? Потому что звуковая волна, попав в дерево, настолько круто меняет свое направление, что большая ее часть отражается и уходит обратно. Поэтому дере-

вянная стенка приглушает звук и мы слышим его хуже, чем если бы стенки не было.

Но как бы ни была различна скорость распространения звука в различных веществах, она не может сравниться с быстротой распространения световых волн.

Световые волны, в отличие от звуковых, не распространяются по воздуху, воде, дереву или металлу. Если они и проходят через эти вещества, то распространяются только по эфиру, который расположен в промежутках этих веществ. А эфир (ученые называют его электромагнитным полем) — это невидимая, неосязаемая нами среда; она заполняет все пространство между телами.

И в этом эфире световые волны, так же как и радиоволны, распространяются страшно быстро: со скоростью триста тысяч километров в секунду.

Это огромная скорость. Она в миллион раз больше скорости распространения звуковых волн.

Поэтому мы видим сначала вспышку молнии, а позже слышим раскаты грома; сначала вспышку при выстреле орудия и позже грохот выстрела, хотя возникли они одновременно.

Теперь подумайте и скажите: кто скорее услышит музыку — тот, кто сидит в конце этого огромного концертного зала, или тот, кто слушает эту музыку на расстоянии девяти тысяч километров, но сидит у самого радиоаппарата?

Как это на первый взгляд ни странно, но сидящий в последних рядах концертного зала услышит музыку на несколько мгновений позже, чем далекий радиослушатель.

Происходит это потому, что радиоволны распространяются в миллион раз быстрее, чем звуковые волны.

СОДЕРЖАНИЕ

За родину. Стих. А. Гольдберга, Рис. Т. Цанберг.	1	Надолбы. Рис. Н. Полозова	20
Страх. Расск. О Кузнецовой, Рис. К. Рудакова	2	Летчик, не заметивший падения самолета. С. Врасский.	21
Мальчики. Стих. Н. Тихонова, Рис. К. Рудакова	5	Уголок веселого архивариуса.	21
Фрам. Расск. А. Розена, Рис. Н. Петровой	6	Карлики идут. Н. Тихонов. Рис. Г. Петрова.	22
Большой Бланк. К. Меркулева и Е. Тарвид. Рис. Г. Петрова	10	Быстрота света, звука и радио. Л. Веккер.	24
О смелых и отважных:	17	Геройской храбрости пример. 2-я страница обложки.	
Древнее оружие стрелка. Очерк Н. Мальцевой, Рис. Ч. Полозова	18	Искусство рукопашного боя. 3-я страница обложки.	
		Письмо сыну. Стихи А. Олицкого. Рис. Н. Петровой. 4-я страница обложки.	

На обложке рисунок Н. Петровой: „Изучай винтовку“.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. ПРОЛЕТКУЛЬТА, 2.
Непринятые рукописи не возвращаются.

Отв. редактор А. ГОЛЬДИН.

№ 5884

Зам. отв. ред. Н. ТЕРЕБИНСКАЯ.

Подписано к печати 28/XII 1942 г. 3 печ. лист. В печ. лист. 25.000. тип. зн. Зак. № 456. М 10901. Акт. л. 2,7. Тираж 7.000 экз.
Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР

Искусство рукопашного боя

Как бы ни были мощны танки, как бы ни была дальнобойны пушки, как бы ни была сильна авиация, словом, как бы ни была совершенна военная техника, каждый боец должен владеть искусством рукопашного боя.

Артиллерия и самолеты-бомбардировщики могут разрушить неприятельские батареи или укрепления. Танки могут прорвать заграждения и ворваться вглубь неприятельской обороны. Но и в разрушенном доте, и в разбитой батарее, и в искалеченном танке остаются люди, враги, и они могут оказать сопротивление.

Случается нередко, что израсходованы все патроны, а боец принужден отбиваться от врагов. И здесь верную помощь бойцу окажет штык его винтовки.

Может оказаться, что враги настигнут бойца, когда у него в руках нет ничего, кроме лопаты или он будет совсем безоружен. Но если боец ловок, если он знает приемы рукопашного боя, он может победить, одолеть врага.

Вот почему наших бойцов обучают не только метко стрелять из винтовки, но и владеть штыком.

С началом отечественной войны в институте физической культуры имени Лесгафта инструктора физкультуры стали обучать тех, кто отправлялся на фронт.

Когда Рая Кузьмина поступила в институт физической культуры, она и не предполагала, что ей придется заниматься рукопашным боем. В студенческие годы к штыковому бою и фехтованию она относилась равнодушно и отличные оценки получала только по добросовестности. Интересовалась же только гимнастикой. Прошли годы. Наступила последняя зачетная сессия, государственные экзамены и Раиса Павловна Кузьмина должна была стать преподавателем гимнастики.

Началась война. Многие товарищи и подруги Кузьминой по-

шли на фронт. Рая готовилась последовать за ними и срочно заканчивала школу медсестер. Внезапно ее вызвал директор. «Лесгафтовцы должны помочь подготовке бойцов к рукопашному бою», — сказал он ей.

На следующий день Рая с помощью своего преподавателя уже проводила занятия с отрядом народного ополчения. Уютный зеленый стадион института был свидетелем многих испытаний молодого инструктора. В первое время, каждый раз, когда Рая видела перед собой лица пожилых рабочих или ордена на груди командиров, ее охватывал настоящий страх. Казалось, что она не сумеет ни показать, ни рассказать. И приходилось собирать всю волю, чтобы держаться свободно, с достоинством, чтобы не удрать со стадиона.

И верно, стоило перед выстроенным взводом появиться маленькой хрупкой девушке — ей невозможно было дать даже и ее собственных двадцати лет, — как бойцы молча переглядывались.

Рая Кузьмина видела это выражение насмешки и обиды. Она понимала, что бойцам досадно, что обучение, от которого зависела их жизнь и смерть, доверено женским рукам, да еще таким маленьким.

— Товарищи, — говорила Рая самым громким и грубым голосом, на какой была способна, — враг может напасть на бойца, когда у него в руках нет ничего, кроме лопаты, а иногда и на безоружного. Я сейчас покажу вам бой лопатой и бой безоружного с вооруженным.

Три плечистых бойца с правого фланга выходили перед строем. И тут происходило нечто непонятное и неожиданное. У первого винтовка оказывалась выбитой из рук большой лопатой, у второго — малой лопатой, у третьего Рая выхватывала винтовку голыми руками. Дружный хохот награждал

потерпевших поражение. Теперь бойцы смотрели на Раю с интересом и уважением.

После пробного боя Рая, уже не стараясь кричать грубым голосом, начинала занятия.

Понемногу Рая освоилась и больше не трусила перед новым занятием.

Занятия не прерывались во время тревог и обстрелов. Все шло по установленному порядку, только ухо ловило свист пролетающих снарядов. А когда снаряды начинали пролетать с противным хрипом, Рая вызывала самого неловкого, непонятливого ученика. Она устраивала с ним показательный бой и громко командовала:

— Отбив вправо! Укол! Еще, отбив!

В это тревожное тяжелое время Рая сдала государственные экзамены. И выходя перед строем рослых бойцов, она знала, что сможет научить их важному военному искусству.

Не прошло и года, а она уже подготовила более семи тысяч человек. За эту работу Всесоюзный комитет по делам физкультуры наградил Раю почетной грамотой.

А сколько писем получила эта молодая девушка от бойцов, которым умение биться врукопашную спасло жизнь.

«... Берегите вы себя, — писал ей один из учеников, — не кидайтесь так под штык и лопату. Неровен час, проткнет вас какой-нибудь старательный ученик. Ведь смотреть же страшно до чего вы яростно бросаетесь и как заставляете нападать на себя. Поймите вы, какая ваша жизнь дорогая. Скольким ваше искусство голову спасет, сколько фашистов оно уложит...»

Умение владеть штыком, умение безоружного выхватить оружие у врага — этим искусством должен владеть каждый боец, каждый, кто хочет придти в Красную Армию умелым бойцом.

29
41

Письмо сыну

Видишь, Шурик, этот дом?
Правда, интересно?
Нам работать в доме том,
Хорошо и лестно.

Здесь нас много, больше ста,
Больше нас, чем двести.
И, наверно, не спроста
Собрались мы вместе.

Все мы, Шурик, ленинградцы,
Деды, дяди и отцы.
Мы остались с немцем драться,
Защищать дома, дворцы.

Защищать сады и парки
И дорогу на Москву,
Все решетки, шпильки, арки,
Небо все и всю Неву.

Мы шагаем по отрядам,
С нами песня, с нами пляс,
Знают нас под Ленинградом,
В Ленинграде знают нас.

Мы идем к бойцам в землянки
И на самом рубеже
Выступаем на полянке,
Выступаем в блиндаже.

Играли мы для летчиков,
Саперов, пулеметчиков,
Танкистов, минометчиков,
Разведчиков наших.

Сидели, гадали в плащах и бушлатах
И в серых шинелях, и в белых халатах,
Все самые храбрые люди страны —
Все лучшие родины нашей сыны.

Мы жонглеры, балетисты,
Мы танцоры, мы певцы,
Если нужно — мы артисты,
Если нужно — мы бойцы.

Уф! Кончатъ письмо пора,
Должен здесь проститься я.
Ночь проходит, а с утра
Завтра релетиция.

Они, сынок. Пора уснуть.
Отдохнем немного,
Может завтра новый путь.
Новая дорога.

А. Олицкий

1943 г.

№ 4 83/18

№ 49

